

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники Книга 2 Привыкание

Альтернативная история с попаданцами
Посвящается курсантам
военных училищ СССР

16+

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники.

Книга 2. Привыкание.

**Альтернативная история с
попаданцами. Посвящается
курсантам военных училищ СССР**

«Автор»

2021

Микишин Ф. В.

Хан Батый и десантники. Книга 2. Привыкание. Альтернативная история с попаданцами. Посвящается курсантам военных училищ СССР / Ф. В. Микишин — «Автор», 2021

Группа курсантов Рязанского десантного училища, волею случая, попадают вместе с небольшим участком своей территории, в средневековую Русь 13 века, в момент нашествия монголов. Используя оружие 20 века и некоторые другие, попавшие с ними, вещи, курсанты пытаются изменить существующее положение и защитить население от истребления. Им приходится бороться также с самодурством князей, в такое тяжёлое время, продолжающим междоусобные войны. Найдя союзника в лице Рязанского князя и, даже, используя расположение самого хана Батыя, его жены и сына, они дают отпор католическому западу, пытающемуся поработить православную Русь. При этом они попадают в различные приключения, из которых выходят победителями.

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники. Книга

2. Привыкание. Альтернативная

история с попаданцами. Посвящается

курсантам военных училищ СССР

часть 1.

Нарушение дисциплины.

25 января. 1238. Понедельник. День начался обычно. Задержались в столовой на пяти минутку. Вопрос стоял очень важный. – Где будем селить прибывающих волонтеров будущего стрелкового батальона? Я внёс предложение:

– Мой склад и склад Забуирова, после извлечения из них практически всего комплекта походного лагеря на 500 человек, опустели наполовину. Давайте объединим эти склады в один, скажем в склад парашютов, а мой склад передать под казарму. Всё-таки склад парашютов наполовину разрушен и восстановлен частично, а мой склад совершенно цел и после небольшого ремонта сможет служить в качестве казармы, для не менее чем полусотни человек. Здание кирпичное, пожаробезопасное. Там есть отопление, освещение и даже вода. Правда унитаз только один, но и так пойдёт, для экстренных случаев. А общий туалет построим на улице. –

– Неплохая идея – согласился Судейкин. – Как думают остальные? Все согласились. – Тогда сегодня же и займёмся. – Микиш, дай Забуирову и Вождёву по 4 человека, пусть они там приготовят всё для переезда.

Выступил дежурный по лагерю, Теплов: – Сегодня под утро, при проверке постов, застал на блок посту №1, тот, что ближний к лагерю, всю смену спящей. Что будем делать?

Судейкин – Смену с поста снять немедленно, заменить на других, это для Микиша и Архипа, а провинившихся привести сюда немедленно. Архип и Микиш вышли.

– Да, – посетовал Судейкин – Вот и первые нарушители. Надо наказать их сурово. А пока что ещё?

Иманкулов – Приближается весна, а у нас много продуктов, подлежащих хранению в холоде. Необходимо построить временное здание с ледником. Натаскать льда с реки и засыпать опилками, которых у нас в избытке. Туда снести все скоропортящиеся продукты.

– Согласен – заметил Судейкин – Запишем в план февраля. Кстати, я вижу, что нам просто необходимо начать планировать предстоящие работы. Предлагаю выбрать постоянного секретаря «Совета десяти» с возложением на него обязанности вести все бумажные дела совета. Поскольку этим уже фактически занимается Вождёв, то давайте назначим его на эту должность официально.

Все восторженно зашумели – Согласны, пусть он командует!

– Вот, и порешили – заключил Судейкин. – Пиши – строительство холодильника. Возьми общую тетрадь и заполняй туда.

Я согласился. Тут в столовую вошли Архип и Микиш, ведущие за собой троих нарушителей. Это оказались двое подчинённых Архипа и один молодой эрзя. Все трое подошли к столу и встали, понурившись.

Судейкин: – Я не буду у вас спрашивать причину, по какой вы нарушили свои обязанности. Вы начнёте оправдываться, называть причины. Я же вам скажу, что мы никаких причин не примем. Из-за вас могли бы погибнуть все мы, именно все. Мы не зря на каждый блок пост ставим по три человека. Как раз для того, чтобы не дать друг другу уснуть в течении всего лишь трёх часов до следующей смены. Если бы вы чувствовали себя плохо или не выспались, вы должны были бы отказаться идти на пост, а вы пошли, то есть посчитали, что сможете выстоять эти три часа. Но вы подвели своих товарищей, родных и близких. Вы подвергли опасности как свои, так и чужие жизни. Вы понимаете, что в это время, когда монголы находятся совсем рядом, сон на посту, который вам доверило общество является преступлением настолько тяжёлым, что за него вас вполне можно казнить? Мы не будем вас сейчас наказывать, я вас отпускаю по домам. Перед обедом мы соберёмся все вместе, и я спрошу у народа – как вас наказать. Как решат жители посёлка, так и поступим. Идите! -

Все трое упали и на колени и хором начали просить прощения. Но Судейкин кивнул Микишу с Архипом и те вытолкали их наружу. – На сегодня, достаточно – объявил Судейкин и мы разошлись. Я, с Забуириным, пошли на свои склады и начали разбираться с остатками своих вещей. По прибытии подмоги, в лице восьмерых дружинников, начали перетаскивать предметы в склад к Забуиринову. Предварительно мы велели вытащить все оставшиеся палатки ближе к выходу. Оставались ещё: походный госпиталь – 5-ти секционная палатка на 10 раненых, размером примерно 5 x 17 м, а к ней две палатки для инфекционных больных, размером 6 x 6 м. и четыре офицерских палатки 6 x 9 м. Мы решили развернуть все эти палатки тоже.

Пусть стоят пока, на всякий случай. К ним прилагались последние 6 печек. Многие кровати из комплекта уже были использованы в домах жителей посёлка. Слава Богу, что кроватей много – оставалось ещё более 300 штук и их можно ставить в один и два яруса, а при желании и в три. Так что хватит и для пары сотен волонтёров, не время устраивать деревянные нары. До обеда размещали, как можно компактней, парашюты.

Их оставалось около 900 штук, не повреждённых и 60 штук повреждённых. Почти 300 парашютов были проданы. Четверть склада в дальнем углу заполнили парашютами. Вряд ли они уже нам понадобятся. Однако время подошло к обеду, и мы пошли к столовой. Наш маленький плац уже заполнили жители посёлка, вызванные на собрание. Когда подошли последние, Судейкин вышел вперёд и поднял руку, призывая к тишине.

Через минуту он начал говорить: – Маргеловцы, сегодня ночью, дежурный по лагерю обнаружил часовых на блок посту № 1 спящими. В такое время, когда вокруг нас неспокойно, когда наши враги только и ждут, как нас уничтожить, эти трое, потеряв бдительность, а с ней и совесть, подвергли жизнь всего посёлка риску быть перерезанными монголами или рязанцами. Вы должны решить, как с ними поступить, чтобы впредь никто не смог бы поступить подобным образом, чтобы всем была наука.

– А ну ка, выходите! – Все трое вышли и встали перед жителями на колени. У эрзи, а это был молодой парень лет 19-ти, из глаз текли слёзы. Толпа зашумела, переговариваясь.

Донеслись призывы – Казнить! Другие кричали – Выгнать из посёлка! Судейкин стоял молча и ждал, когда все выговорятся. Из толпы вышла девушка, видимо подруга эрзи и обняла его за шею, а сама, плача, просила пощадить его.

Несколько минут толпа волновалась, а потом Архип громко объявил: – Пусть господа курсанты решают! Как скажут, так и будет! – Толпа одобрительно зашумела.

Судейкин опять поднял руку, требуя тишины и заявил:

– Мы считаем, что на первый раз не будем строго наказывать провинившихся. Однако оставить их без наказания никак нельзя, чтобы другим было неповадно. А поэтому мы решили, что эти трое с сегодняшнего дня исключаются из числа военнообязанных, как не справившиеся и не годные к воинской службе. На месяц они будут обязаны выполнять в лагере самые тяжёлые работы. В течение дня они будут помогать на кухне выполнять все работы, которые им поручат поварахи. В свободное от столовой время убирать конюшню от навоза. В остальном будут выполнять поручения коменданта лагеря Микиша. Если вы не согласны, то сейчас же можете собираться и уходить из Маргелова. Кто против этого решения? –

Народ согласно зашумел. Наказанные громко благодарили жителей и Судейкина. Парень эрзя радостно обнимал свою подругу. Все разошлись, кто по домам, кто в столовую, как и мы. После обеда я с Забуириным и восемью дружинниками вернулись в свои склады. До самого ужина таскали вещи из моего склада в Забуировский и ставили на предложенные нами места. Закончить не успели и перенесли работу на завтра. Отпустили дружинников и пошли на ужин. В столовой видели наказанных, которые носили дрова и мыли котлы и посуду, после ужина. А мы, курсанты пошли на урок монгольского. В конспекте уже много монгольских слов, как существительных, так и глаголов. Задержался допоздна, заполняя общую тетрадь, разграфил и вписывая в неё запланированные работы. Кстати, Паруш из Рязани сообщал после обеда, что из Коломны прибыл гонец с просьбой назначить нового князя. По слухам, город был захвачен в начале января, полностью разрушен, и сожжён.

В битве под Коломной была разгромлена коалиция суздальского и рязанского князей с незначительным участием новгородцев. При этом погибли рязанский князь Роман Ингваревич – брат Ингваря и сын суздальского князя Всеволод. Как и предполагалось, в битве был убит последний, остававшийся в живых, сын Чингиз хана – Кюлькан, то есть в этом отношении исторические события следовали своим чередом. В настоящее время, по дошедшим до Коломны слухам, была захвачена и сожжена Москва, а все жители истреблены от мала до велика. Монголы же направились к городу Владимиру, разоряя попадающиеся по пути, города и сёла.

Неприятная новость от ханши Боракчин.

26 января. Вторник. Едва закончился завтрак, как к нашему столу приблизился переводчик и объявил нам, что ханша хочет поговорить с нами со всеми. Лучше с утра. Мы переглянулись и согласились. Судейкин велел передать, что мы придём через полчаса. Переводчик удалился, а мы стали решать, стоит ли одевать парадную форму или так пойдёт? Решили не переодеваться. Приглашение немного удивило, но мало ли что? Пошли все вместе, без дежурного. Постучали к ханше и вошли. Ханша с Сартаком

сидели на ковре, но увидев нас, ханша передала сына фрейлинам, и они вышли из комнаты. Остался переводчик. Сесть у ханши было некуда, кроме, как на ковёр, что мы и проде-

лали, рассевшись как попало. Ханша улыбнулась нам и начала говорить. Переводчик почти синхронно переводил.

Боракчин: – Приветствую вас, господа курсанты! Я уже живу среди вас более месяца. У меня накопилось много вопросов. Во- первых- мне удивительно, что вы почти все живёте без женщин. Я не считаю Юлдуз и Юмагас, потому что их вам подарили и, если бы не это, Судейкин и Забуиров так и остались бы холостыми. Уж не монахи ли вы? Может вы дали обет безбрачия и мой приказ князю прислать вам 20 девушек может вас оскорбить? Странно также, что вы совершенно не беспокоитесь о преклонении перед вами. Вы настолько могущественны, а ведёте себя со смердами и простыми воинами, как равные. И между вами я не вижу чинопочитания, хотя я знаю, что Судейкин вроде бы главный у вас? И мне очень бы хотелось вкратце понять, чего вы добиваетесь? Как я вижу, вас не интересуют богатства – золото, кони, женщины и т.п. А что же вас интересует? – На этом ханша приготовилась слушать ответ.

Мы переглянулись и все вместе воззрились на Судейкина, Он огорчённо оглядел нас и, поразмыслив, начал: – Ну, вот! Мне опять отдуваться. – Не надо это переводить! Я отвечу ваше величество. Я среди всех самый старший по возрасту, поэтому я вроде бы, как руководитель, но на самом деле мы все равны. Заверяю вас, мы не монахи! А возможно даже, как раз наоборот, но у нас в будущем, принята моногамия, то есть мы можем иметь только одну жену, хотя желания многих могут и идти с законом в разрез.

Нам очень приятно, что вы проявляете заботу о нас и мы считаем, что ваш приказ князю насчёт 20-ти девушек мы приняли с удовольствием, но вы сами христианка и мы тоже считаем себя таковыми и поэтому, принимая ваш подарок, мы попадаем в затруднительное положение. Мои товарищи ещё молоды и если в этом времени все женятся в раннем возрасте, то у нас принято жениться в 22-25 лет, а то и позже. Но я лично считаю, что вы, в какой-то степени правы. Мы должны ощутить себя на ступень могущественнее местных князей, чтобы в будущем чувствовать себя выше их по положению и нам надо войти в эту роль. Позже мы снова придём к признанию местных обычаев и христианских ценностей, которых будем придерживаться и требовать этого от всего народа, а сейчас мы хотим слегка отойти от этих ограничений.

Я думаю, мы заслужили это право. Возможно, именно это позволит нам вести себя более раскованно в среде, как простых людей, так и высокородных. Сейчас это важно и необходимо. Ибо в этом времени нет места равноправию и братству между народами, как этого добиваются в наше время. К этому надо идти долго и упорно, и мы надеемся, что с нашей помощью, мы придём к этому гораздо раньше. Почему мы не стремимся к богатству? Ваши ценности слишком сильно отличаются от наших. Между ними настоящая пропасть. Мы видим, что в этом веке люди стремятся иметь богатство – золото, коней, рабов, слуг, наложниц, а самое главное – власть. Именно за власть идёт самая отчаянная борьба, в которой нет правил. Здесь допускаются любые средства, среди которых убийство своих ближних и даже родных, обман, предательство и т.п.

Мы к такому не привычны. Наша цель – мирное сосуществование с соседями, дружба, любовь к близким, справедливость в отношении всех членов общества, не взирая на должности. И конечно, отсутствие рабства, неравноправия между мужчинами и женщинами, народами разных стран. Каждый должен работать по своим возможностям и получать за это такое вознаграждение, которого хватит на достойную человека, жизнь. Вот это самый главный принцип, которого мы хотим добиваться. Мы хотим, сначала ввести таковое положение хотя бы на Руси, а потом попытаться перенести его в другие страны.

– Понятно – сказала ханша. – А вот мой муж стремится к установлению своей власти в улусе Джучи, чтобы властвовать над всеми своими подчинёнными. Однако для этого ему понадобится очень много золота и других ценностей, чтобы содержать армию, достаточную для отпора врагов, желающих эту власть отобрать. Здесь и сейчас нет

других интересов у любого правителя. Что вы хотите получить от моего мужа? Как вы сможете с ним дружить? Я уверена и не боюсь этого высказать, что, едва почуввав вашу слабость, он вас уничтожит, чтобы властвовать одному. Власть даёт богатство и уверенность в достойной жизни своих близких и в благополучии своего народа. -

Судейкин отвечал: – Мы прекрасно это знаем и понимаем. Более того, мы вынуждены воспользоваться помощью хана Батыя, чтобы привести к покорности князей. Мы ещё недостаточно сильны, чтобы противостоять всей Руси, но уже сейчас мы справимся с любым врагом. Мы не хотим быть виновными в гибели своих сородичей, а вот проучить их вполне уместно.

– Я понимаю – отвечала ханша. – А вот кого бы вы хотели поставить самым главным в Руси? Или вы хотите взять всю власть в свои руки? Я бы не хотела, чтобы наши и ваши интересы пересеклись.

– Ну что же- сказал Судейкин, -Я не хотел об этом говорить раньше времени, но вы меня вынуждаете. Мы бы хотели назначить самым главным для всей Руси, брата нынешнего великого князя Владимир -Суздальского Юрия, Ярослава Всеволодовича. –

– Ага – сказала ханша – Ну тут наши интересы совпадают. Именно князь Ярослав тайно согласился действовать заодно с ханом Батыем и помогать ему с тем, чтобы поставить его на великое княжение. А за это Ярослав обещал своё участие в походе на Европу и выплату дани. Также он обещал поставлять молодёжь в армию Батыя.

Тут мы все опешили. – Вот это да! Кто бы мог подумать о таком повороте дела? Значит история нагло врёт! Конечно, не сама история, а те, кто писал её.

Однако Судейкин не подал вида, что он шокирован и нам подмигнул, чтобы мы молчали. Он сказал: – Я рад, что наши желания совпадают. Это совсем облегчает дело. Просто чудесно, что всё у нас совпало! Тогда мы будем продолжать придерживаться нашего плана. Монголы уничтожают князя Юрия и уходят в степь, оставляя на княжестве Ярослава.

Ханша спросила – Когда мы её отпустим?

Судейкин сообщил ей, что мы её не держим и она может уезжать хоть сегодня.

– Но разве ей у нас плохо? Где ещё она сможет жить с такими удобствами?

Она согласилась, но ей была милее юрта. Также она сказала, что теперь она совершенно уверена в том, что мы не сделаем ей ничего плохого и поэтому остаётся до той поры, когда мы посчитаем необходимым передать её Батыю. На этом мы раскланялись и в ужасном возбуждении, чуть ли не побежали к себе. Сели за стол и нервно закурили.

Вот, тебе и на! – сказал я. – Я прочитал кучу книг о нашествии монголов и нигде ни словом не говорилось о каком-либо предательстве среди князей. А мы считали его патриотом своей родины, а он всего лишь добивался власти и руками монголов обеспечил себе трон всея

Руси. Вот почему монголы не пошли на Новгород, ведь это была его вотчина! Да и после, в следующий набег, уничтожили Черниговское княжество, которое могло противостоять его власти.

– Ну, как вам это нравится? – спросил Судейкин. – У нас оказывается имеется конкурент. А Батый ведь нам об этом не сообщил. Что решим? Будем ставить Ярослава на княжение или возьмём кого-то другого? Все задумались. Это в самом деле была трудная задача. Ладно, решили мы – будущее покажет.

Подготовка к приёму волонтёров.

Что там, у нас в плане? – спросил Судейкин.

Я ответил – Мы пока разберёмся с новой казармой, а по плану, я думаю, самым необходимым станет устройство стационарных котлов для нашей столовой, чтобы освободить походные. Сколько можно их эксплуатировать? Давайте задание печнику и Микишу.

– Судейкин попросил Иманкулова взять это дело под свой контроль.

Часы показывали почти 12 часов. Мы с Забуириным пошли в свой склад. Уже как-то было не ко времени вызывать наших помощников, скоро обед. Решили пока посмотреть куда что класть. Я зашёл к себе в комнатку завсклада и осмотрел опустевшее помещение. На полу были раскиданы разные мелкие предметы, мусор. Я взял веник и начал подметать. Собрал всё в кучу и вдруг мой взгляд нашёл нечто, на мой взгляд обычное, но тем не менее, чем-то привлекающее моё внимание. В куче мусора, кроме пыли, смятых комков бумаги, шелухи семечек, окурков и обгоревших спичек я разглядел несколько зёрен пшеницы и, что было крайне невероятно – кукурузы. Я бережно отобрал эти зёрна в руку. Их оказалось 18 штук, отливающих жёлтым, неизвестно как попавшим сюда. Это же **КУКУРУЗА!**

Мы её посадим в землю и дадим ей будущее, как и картошке. Кукурузы, до открытия Америки, в Европе отродясь не бывало. Это просто счастье. Я тут же показал своё сокровище Забуиринову. Он тоже не сразу сообразил, какое я сделал открытие. Но потом тоже обрадовался. Давай отнесём их в нашу кассу, пусть там лежат до весны- посоветовал Забуиринов, и я тут же направился в нашу казарму. Там я нашёл Судейкина и вручил ему эти семена, которые тот с самым серьёзным видом замотал в кусочек бинта и положил в коробку с нашими гривнами. Там же кстати лежали, найденные в наших карманах деньги, как бумажные, так и монеты. Кто знает, может пригодятся ещё?

После обеда вызвали своих помощников и продолжили работу. Трудновато пришлось при переноске запасных двигателей машин. Вообще в моём складе, как на зло, многие вещи имели слишком большой вес. Но кое как успели к ужину. После ужина, как обычно занятия по монгольскому языку. Уже можем складывать простые предложения из 5-6 слов. Мы стараемся, понимая, что это очень важная тема. К тому же, мы находимся в цейтноте, времени у нас осталось чуть больше месяца, а там придётся распрощаться с переводчиком.

27 января. Среда. Завтрак пока ещё из походных котлов, но печник уже озадачен и сегодня приступит к устройству стационарной печи для кухни. Расселись теснее для пятиминутки. С нами Микиш, Архип и дежурный по лагерю – Иманкулов.

– Как с переездом? – спрашивает у меня Судейкин.

– Всё готово к устройству казармы – отвечаю. – В первую очередь надо устроить в здании генеральную уборку. И, наверное, надо бы предусмотреть тамбур, метра три, оттуда же пойдёт лестница на второй этаж.

– Хорошо, сказал Судейкин, – Прямо сейчас пойдём и посмотрим на месте.

Я продолжил – Пора начинать вырубать лес дальше, освобождать землю для посевов. –

Судейкин – Микишу – Составь график для работы по вырубке. Как всегда, четверо валят лес, двое на САУ таскают стволы и выкорчёвывают пни, двое складировуют. Начнём завтра с утра. Место складирования установим в конце улицы Борисоглебской, у кромки леса. Архип, твои люди вернулись из Пронска и Переяславля?

– Вернулись, – подтвердил Архип.

– Теплову и Марченко нарисовать для кузнецов чертёж отвала бульдозера, для очистки дороги от снега и для разравнивания площадок под строительство. Все свободны!

Я с Забуириным, Судейкиным, плотником Гораздом и Архипом пошли смотреть здание склада. Вошли внутрь и включили свет. Помещение было необычно пустым. На полу лежала пыль и мусор. Мы осмотрели доски пола. Они оказались в неплохом состоянии. Однако отсутствие нормальных окон удручало. Стены из кирпича, высотой, от пола до потолка, три с половиной метра, а с высоты в три метра начинаются маленькие окна высотой всего в полметра, как раз под потолок. Имеются радиаторы отопления. Как уже упоминалось, в каморке завсклада имелся умывальник, а в другом углу склада маленькая комнатка с унитазом. Осмотрев помещение, Судейкин изрёк – Для начала пришлите сюда десяток девчат для уборки. -

Как ни крути, а придётся кровати ставить к стенам изголовьем. Кровать с тумбочкой занимают полтора метра, а значит, если мы оставим 3 метра для входного тамбура, то поместится всего 28 кроватей в два яруса или 56 человек. Надо делать второй этаж.

Что скажет Горазд? Плотник почесал затылок и отвечал – Можно, конечно, но снаружи снег, надо очень быстро работать. Я предлагаю оставить высоту помещения в два с половиной метра и укладывать на этой высоте брёвна для пола второго этажа. А потом быстренько снимем крышу и доложим брёвнами полтора метра до потолка второго этажа и кладём крышу назад, а потом под крышей продолжим работать внутри. -

Мы согласились с этим, и Судейкин спросил, – Сколько ему потребуется помощников?

Не меньше десяти – попросил Горазд.

– Договорились – сказал Судейкин, – Но подумайте, какой-то ещё склад придётся освобождать. Мы разошлись. Я нашёл Семёнова и спросил, сколько у него осталось унитазов и какие ещё трубы имеются?

– У меня всего 11 унитазов- сообщил Семёнов. – Это НЗ. Я их специально для нас оставил, ведь заведём же мы в конце концов, собственные дома. Не век же в казарме ночевать!

Есть ещё керамические трубы диаметра 150 мм, всего около 75 метров. Хватит ли? Не знаю где у нас будет свой дом.

– Кстати – сказал я, – А может быть нам построить один большой дом на нас десятерых с квартирами по 4-5 комнат? Можно даже в два этажа

– А что, -отвечал Семёнов, – Я не против. Давай поставим этот вопрос на собрании.

Я согласился. – А что ещё у тебя есть для квартир?

– Есть трубы водопроводные разных диаметров, наверное, метров 700 ещё наберётся. Умывальников тоже 11 штук оставил, так что для нас должно хватить. Ещё и стёкла оконные и батареи отопления, 14 штук. Короче обеспечены мы в достаточной степени.

Пошли на обед. Печник уже лепил печь под два здоровенных котла на 200 литров каждый. Ему помогала наша тройка наказанных. На печку решили истратить все имеющиеся на складе кирпичи и цемент. По подсчётам должно хватить. К тому же и склад значительно освободится. После обеда задержались в обычном составе.

Судейкин: – Придётся освободить ещё один склад для волонтёров. Выбор невелик – склад амуниции, продуктов и НЗ или стройматериалов? Какие есть предложения?

Иманкулов предложил склад продуктов и НЗ. Продукты уже почти все съели, а оставшееся имеет небольшой вес и размеры, легче выносить.

– А куда перенесём остатки? –спросил Коверда.

– Давайте объединимся со складом амуниции –заявил Зотов. – У меня тоже уже есть свободные места.

Судейкин согласился и заметил, что эту работу необходимо начинать сразу по завершению строительства первой казармы. А пока давайте установим последнюю палатку из склада – походный госпиталь и сложим в неё остающиеся палатки. А то зря место занимают. А поставим эту палатку снаружи лагеря у южного выхода. Пусть этим займутся Коверда и Марченко. Возьмите десяток дружинников у Архипа.

И ещё – воскликнул Иманкулов. – Я заметил, что наши зёрна, хоть пшеница, хоть гречка, гораздо крупнее местных. Всё-таки наши зёрна прошли селекционную обработку в течении последних веков. Я сохранил 5 мешков гречки и два мешка пшеницы. Других зёрен у меня нет. При следующей посадке необходимо будет использовать эти семена обязательно.

Я тут же напомнил про кукурузу и посоветовал при переезде обращать внимание на мусор в складах. Там, при желании, можно найти много неожиданного. Иманкулов согласился со мной и обещал присмотреться к мусору. Итак, мы опять пошли в склад и вытащили оттуда все остававшиеся палатки. Десять дружинников перетаскали их через конюшню к выходу наружу и там начали разгребать площадку от снега. К ужину поставили палатку походного госпиталя 5х 17 м и втащили в неё четыре других палатки, сложив их в одном углу, так что оставалось ещё площади 5 х11м.Застегнули входной тамбур и пошли на ужин.

28 января. Четверг. Сидим после завтрака. Печник обещает сегодня закончить кладку печи. Нарядчики таскают кирпич и цемент из склада стройматериалов. Я открываю свою тетрадь и читаю – Начать вырубку леса. Судейкин велит Микишу получить бензопилы и поставить задачу работникам. Работать с бензопилами могут только наши эрзя. Судейкин велел приставить к выкорчёвыванию пней и стаскиванию брёвен, новых мужиков из крестьян. По общему решению постановили оставить по всему периметру распаханного поля лесополосу, шириной 10 метров в качестве естественного укрытия от внезапного нападения. Пробить проход в западном направлении по улице Борисовоглебской в три метра и с той стороны начинать вырубку.

Брёвна складировать перед проходом с нашей стороны. Туда же перетащить циркулярку. Между прочим, за прошедшее время, циркулярка была переделана под пилораму с семью пилами, которые производили за один проход до 6-ти досок сороковок и два горбыля. Кузнец приварил к имеющимся пилам дополнительные элементы, позволяющие распилить брёвна диаметром до 400 мм. Он же следил за заточкой зубьев. Микиш ушёл, а мы продолжили. Архип сообщил, что до него дошли сведения о живущем в 30 верстах от нас, в сторону Пронска, знахаре.

По рассказам, этот знахарь может лечить многие болезни, но преследуемый церковью, вынужден поселиться в дремучем лесу. Тем не менее, больные люди тайно посещают его, и он их лечит. Судейкин попросил Архипа послать кого-нибудь или самому съездить к знахарю и пригласить его к нам, а уж мы обещаем создать для него все условия для плодотворной работы. Теплов и Марченко доложили, что они с кузнецами рассмотрели проект отвала, крепящегося к САУ и превращающего последнего, в бульдозер. Два листа стали толщиной в 2 мм, размерами 1,5 x 1 м, состыковали между собой под небольшим углом, чтобы при толкании снега, тот раздавался в обе стороны, оставляя за собой чистую дорогу шириной в почти 3 метра.

Отвал крепится на ось с двумя катками от БМД и имеет возможность подниматься и опускаться с помощью винтового механизма, а также увеличивать центральный угол схождения или выравнивать его до прямой линии. Так что навесное оборудование вполне сгодится в роли бульдозера. К завтрашнему дню он будет готов.

Тут и я вставил замечание – А зачем применять сталь? Для убирания снега вполне можно обойтись деревянным отвалом.

– И то верно – согласились Теплов с Марченко. – Пусть в таком случае будет два типа бульдозеров: с деревянным отвалом -для сгребания снега и с металлическим – на все остальные случаи жизни.

Судейкин заметно повеселел и сообщил, что он доволен результатами последних дней. Мы неплохо потрудились. Всем господам курсантам разойтись по складам и заняться инвентаризацией имеющегося. Я с Забуириным пошли на наш, теперь общий, склад и принялись упорядочивать имущество, рассовывая по полкам. Я, кстати, нашёл закатившиеся в далёкий угол несколько бобин с кинофильмами «Волга – Волга» и «Доярка и пастух», а также учебный фильм по ремонту АСУ 57. Последний фильм очень порадовал. Его можно показать эрзянам и учить их устройству и ремонту техники. Тут и обед подошёл.

После обеда я подал предложение – Придать к каждому из нас по два эрзя с целью научить устройству и ремонту прикреплённой за каждым из нас техники. Прикрепить поимённо, на постоянно.

– Судейкин велел Микишу распределить 20 эрзя по два человека и прислать к нам в течение сегодня и завтра, если они на дежурстве. Вдруг к нам вошла одна из служанок Боракчин с переводчиком и объявили, что Сартак болен, а лекарь не может справиться.

Судейкин позвал меня, и я вновь помчался на склад и взяв пенициллин и шприц отправился в резиденцию ханши. Судейкин, лекарь, Боракчин, обе фрейлины, переводчик, служанки и наставник суетились у кровати Сартака, который лежал разметавшись. Я подошёл к Судейкину, который уже осмотрел больного и подтвердил мне диагноз – простуда и ангина. Померили температуру – 39 градусов. Лекарь что-то говорил переводчику и тот переводил – Больному дали какие-то препараты непонятного состава и пустили кровь. Судейкин приказал немедленно прекратить кровопускание, не взирая на протестующие возгласы лекаря. В тазу уже набралось грамм 200 крови. Как обычно, растолкли аспирин в ложке и заставили Сартака выпить.

После этого оголили попку, и Судейкин мастерски вколол тому пенициллин. Лекарь в ужасе наблюдал за нашими действиями, то хватаясь за голову, то выбегая из комнаты в коридор. Остальные тоже вели себя беспокойно, кроме самой Боракчин. Мы подождали не меньше 15 минут, пока стало заметно, что жар у мальчика спадает и он начал адекватно реагировать на обстановку. Все вздохнули с облегчением. Судейкин пообещал через 6 часов прислать меня, чтобы дать Сартаку таблетку пенициллина и осмотреть его.

– Кстати, – сказал он – Ни в коем случае и никогда не разрешайте пускать кровь при недомогании. Это бесполезно и даже опасно. –

Лекарь, услышав перевод этих слов возмутился и хотел было что-то возразить, но Судейкин велел ему замолчать. Он посоветовал Боракчин давать мальчику побольше пить воды и держать ноги в тепле, а также прополаскивать горло тёплой водой с солью. Мы вышли, и я пошёл на склад, а Судейкин в поле, чтобы проследить за началом вырубки. Я уложил шприц на место и подумал, что не мешало бы устроить какое-нибудь помещение для лазарета. Эту мысль я записал в свою книгу. Кроме этого, я записал ещё одну мысль – устройство строевого плаца на месте временного посёлка эрзя. Подумав, я добавил – нарисовать новую карту СССР и отдельно существующих княжеств в нынешних границах. Для этого использовать географический атлас. Затем я зашёл в свой бывший склад, посмотреть, как идёт перестройка. Работники, под руководством плотника, разместившись на лесах, вынимали из стен на высоте 2, 5 метра, кирпичи, стараясь их не сломать, с целью вставить там брёвна будущего перекрытия первого этажа.

Другие вынимали окна, чтобы переставить их потом в стены обоих этажей. Решили ограничиться существующими окнами, пусть и маленькими, но достаточными для освещения помещений. Посмотрев на работу минут десять, я пошёл к Судейкину и рассказал о необходимости изготовления карт региона. Судейкин согласился со мной и обещал после ужина поставить эту задачу для рассмотрения. После ужина мы остались на планёрку. Все запланированные работы были в разгаре. Вырубили полгектара леса и выкорчевали пни. Закончена кладка печи в столовой и оставлена сохнуть до завтра.

Судейкин поставил задачу курсантам – нарисовать карты Золотой Орды и прилегающих государств – Польши, Чехии, Венгрии и других, используя географический атлас, квадратным способом – увеличив масштаб в размер листа формата 24. Мне же вновь поручил выполнить карту СССР. Так что у каждого теперь есть работа на много дней. После занятий по монголь-

скому языку, я с переводчиком направились к Боракин. Зайдя в комнату, я слегка поклонился и подошёл к кровати Сартака. Он уже выглядел намного лучше. Я уже отмечал, что пенициллин производил волшебное действие на местных жителей, никогда не принимавшим лекарств 20-го века. Мы с Судейкиным, после памятного случая в прошлом году, вылечили не менее двадцати детей и пятерых взрослых от простуды и ангины.

В сущности, я и сам уже вполне мог колоть лекарство, но последнее время мы в основном использовали таблетки того же пенициллина, которые помогали не хуже уколов. Но Сартаку, для гарантии, Судейкин всё-таки сделал укол, чтобы показать наши возможности Боракин и её лекаря, который кичился своей учёностью и отказался однажды помогать нашим согражданам в паре случаев их заболевания непонятно чем. Слава Богу эти болезни прошли сами, видимо это были случаи незначительного отравления некачественной пищей или несоблюдением норм гигиены.

Я тогда давал больным, по совету Судейкина, левомецетин и активированный уголь. Лекарь же отказался помогать, объясняя это занятостью. Итак, я посмотрел язык и горло у больного и дал ему ещё одну таблетку аспирина и пенициллин. Так же, я посоветовал Боракин не слушать её лекаря и не пользоваться его снадобьями для Сартака. Всё это я сказал в присутствии лекаря и специально для его уразумения.

Лекарь надулся и ушёл к себе, попросив разрешения у ханши. Я заметил, что наставник Сартака, Наранбаатар, стоит с перекошенным лицом, сжимая руками свои виски. Я тут же понял по его гримасе, что у него, скорее всего сильно болит голова. Я сам с этим сталкиваясь частенько и его действия мне очень знакомы. Я спросил через переводчика – Что, голова болит? И тот ответил утвердительно. Я достал из кармана таблетки анальгина и дал ему пару штук, посоветовав выпить одну сейчас же, а вторую, если не поможет, через час. Понаблюдав ещё минут 15 за Сартаком, я собрался уходить, когда наставник с радостью сообщил мне, что голова, прямо на глазах, перестаёт болеть. Я порадовался за него и напутствуемый благодарственными словами Боракин и наставника, ушёл к себе, сообщив, что приду завтра, перед завтраком.

29 января. Пятница. Я встал в 7 часов и умывшись, пошёл к Боракин. Сартак явно был уже почти здоров и лежал в кровати рассматривая книгу «Устав караульной службы», где были нарисованы часовые. У нас книг с уставами было более чем достаточно. Я, между прочим, увидев книгу, вспомнил про идею заинтересовать ханшу русским алфавитом. Быстро осмотрев Сартака и дав ему таблетку пенициллина, я

обратился к Боракин и указав на книгу в руках мальчика, спросил её

– Знает ли она грамоту и умеет ли писать? –

Она, несколько удивившись, подтвердила, что умеет писать.

– А какой алфавит она использует?

– Уйгурский алфавит, но на монгольском языке. Я знал, что такое уйгурское письмо, основанное на китайских иероглифах и пишущееся, столбцами. Без бутылки, как говорят, трудно различить уйгурские буквы.

Я взял из рук Сартака книгу и показал её ханше. Смотрите на эти буквы, каждая из которых соответствует определённому звуку. Почему бы монголам не перейти на этот алфавит.

Я даже предлагаю ханше объявить саму себя изобретательницей этого алфавита и сообщил ей, что в современной Монголии пользуются именно этим. Так пусть они уже сейчас начинают его использовать. Ханша посмотрела на буквы в книге и обещала подумать над моими словами. Я, сказав, что приду ещё раз перед обедом, ушёл. В коридоре меня ждал Наранбаатар. Позвав переводчика, он благодарил меня за чудодейственные таблетки, которые враз вылечили его головную боль. Он рассказал, что после ранения в голову, она очень часто болит. Лекарь ханши даёт ему какие-то снадобья, но они не всегда помогают. А вот моя таблетка помогла очень быстро и сегодня с утра он тоже не чувствует боли.

– Не мог бы я давать ему эти таблетки или продать за любые деньги?

– Я ему отвечал, что он может всегда обращаться ко мне при головной боли и я дам ему таблетку, но продать не могу. Когда он будет уезжать я подарю ему несколько штук. И я ушёл, довольный, что получил ещё одного благодарного знакомого. Кто знает, может он мне пригодится в будущем?

Немного опоздав на завтрак, я быстро поел и присоединился к нашей группе, которые совещались по поводу места строительства холодильника для хранения продуктов. Решили его строить в северо-западном углу, снаружи тына. Я напомнил всем, что уже давно мы обещали устроить свадьбу восьми парам новобрачных эрзя. Они уже две недели живут вместе не расписанные.

Судейкин спросил у Микиша – Как у вас справляют свадьбу, ты можешь устроить? Микиш начал рассказывать о правилах проведения свадьбы, которых было настолько много, что уже через 15 минут мы все запросили пощады. Да и запомнить все эти обряды было для нас невероятно.

Главными правилами оставались, понятные нам, сватовство, которое у Эрзя было сопряжено со скачками и погоней отца невесты за отцом жениха и возможной дракой, в случае поимки последнего, свадьбы в доме жениха и невесты до главной свадьбы, выкуп, подарки, шитьё рубах, мойка в бане и т.д и т.п. Кроме этого Микиш заявил, что обычно невеста гораздо старше жениха и раньше 25-ти лет замуж не выходят, но в нашем случае, по воле Богов, создался исключительный случай. В связи с отсутствием у новобрачных, родителей, Судейкин предложил следующий порядок— Каждая пара выбирает себе отца и мать из числа семейных, которые на свадьбе будут играть роли сватов. Сватаньем пренебрежём, но опять же из исключительности случая.

Если вся эрзянская община желает, то пусть проводят у себя в посёлке необходимые обряды, а мы, подарим по золотому динару, каждому сочетающемуся браком, плюс по 5 квадратных метров перкаля и по вытяжному шёлковому парашюту. Пусть шьют себе, что хотят. Но мы, со своей стороны, устроим торжественный обед завтра, так как, если мы правильно уяснили, спать в ночь перед свадьбой, молодым не полагается.

Затем слово взял Теплов: – Как завскладом ГСМ, я предлагаю снять вооружение с пары САУ, которые используются в качестве бульдозеров. Сняв пушку с пулемётом, удастся вдвое уменьшить вес САУ, что позволит значительно сэкономить бензин.

Тут все мы согласились. Судейкин велел немедленно два САУ подогнать в рембокс и начать снимать вооружение. На это он назначил Коверду, Семёнова и велел Микишу прислать

четверых эрзя, но не из числа женихов. Я пошёл к себе и до 13 часов рисовал карту СССР. Остальные ребята тоже рисовали свои карты. Если мне можно было просто скопировать карту через стекло, то им приходилось попотеть, перенося с маленьких страниц атласа на ватман увеличенное изображение местности по квадратной сетке. В 13 часов я опять пошёл к Сартаку.

Рассмотрев его и отметив для себя и Боракич, что лечение идёт положительно, я дал Сартаку выпить ещё одну таблетку пенициллина. В сущности, уже было заметно, что он практически здоров. Боракич поблагодарила меня за здоровье сына и заявила, что она согласна учиться нашей азбуке. Ей нужно знать лишь какие звуки передают те или иные буквы, а также правила их написания. Я обязался обучить её азбуке в течении 10 дней. Поскольку время ещё было, я показал ей букву «Б» и сообщил ей, что с этой буквы начинаются имена её мужа, хана Батыя и её собственное. Между тем, все присутствующие в помещении, а это были обе фрейлины, наставник, лекарь и переводчик, невольно вынуждены были выслушивать меня и смотреть на написание буквы. Так что, я не сомневаюсь, что и они, даже без их на то желания, выучат буквы русской азбуки. Я вынул из кармана шариковую авторучку и блокнот, раскрыл его на чистой странице и написал эту букву прописную и печатную.

Показал написанное Боракич, а затем взял у Сартака Устав караульной службы и попросил ханшу найти эту букву на первой попавшейся странице, что она с успехом и выполнила. Я её похвалил и ушёл на обед, сказав, что приду перед ужином. После обеда в посёлке Эрзя наблюдалось оживление. Там население изображало сватовство и все, связанные с этим событием действия. Полевую кухню уже отогнали и обед готовили на стационарной печке. Перед ужином я заглянул к Боракич и научил её ещё трём буквам – «А», «Т», «У», составляющим имя её мужа – Бату, соответственно переводчик и остальные лица, вынуждены были прослушать этот урок. Убедившись, что ханша полностью запомнила эти буквы и слово, я ушёл. Кстати, и Сартак участвовал в запоминании букв. Я подарил всем вольным и невольным ученикам по тетрадке и по шариковой ручке. Боракич попросила меня приходить лучше всего перед обедом. А я отправился на ужин, а после него на урок монгольского.

30 января. Суббота. После завтрака Иманкулов сообщил, что он тоже хочет сегодня сыграть свадьбу с Гулбахор. Для этого он просит Судейкина сходить к Юлдуз хатун и попросить руки её сестры для него. Судейкин согласился сходить через час. Ещё Рустам попросил нас всех, разрешить ему занять освобождающийся дом, из которого все парни эрзя уйдут в палатки с жёнами. Мы его поддержали. Сам он с Забуириным отпрашивался, чтобы навести в своём новом доме порядок. Я, в душе посетовал, что вот ещё один друг уходит от меня. Нас в казарме остаётся семеро. Перед обедом посетил Боракич и научил её ещё трём буквам – «С», «Р», «К» и написал имя «Сартак».

Ханша поразила лёгкости запоминания и написания. Сартак и остальные выучили те же буквы. Обед был грандиозным. На этот раз в зал набилось почти всё население, кроме дежуривших на постах. Ели какие-то народные эрзянские блюда, слушали их песни и наблюдали за обрядами, получилось типа спектакль. Все работы отменили и обед в конце концов перешёл в ужин, с которого я ушёл часов в 9 вечера. Переводчик, повар и лекарь ханши приняли живое участие в празднестве. Наранбаатар не пришёл, сославшись на занятость. Уже засыпая, я слышал, что гульба продолжается. Кстати, спиртного не применяли, иначе, вполне возможно, могли бы и подраться.

Воскресенье. 31 января. Ханша посетила церковь в Борисовоглебово. Она, почти каждое воскресенье ездила туда. Как обычно её сопровождал почётный караул. Был там и я. Уже

мы относительно неплохо понимали, в каких случаях надо креститься, а в каких кланяться и где ставить свечи. Вернулись в 12 часов. Я научил ханшу, как писать её имя и звание (ханша). И она и Сартак, да и другие, с необыкновенной лёгкостью запоминали новые буквы. Возможно, это происходило из-за их неискушённого науками и правилами хорошего тона, мозга. Между прочим, на этом уроке я узнал имена обеих придворных дам. Одну звали Эржена, а другую Замбага. Раньше я воспринимал их, как чопорных и стервозных тёток. На деле, они оказались весьма симпатичными, остроумными и весёлыми молодыми женщинами 26 – 28 лет. В их образе монголоидные черты почти не просматривались. Порой, у некоторых, исконно русских, проявляется более монголоидный образ, типа- широкое лицо и раскосые глаза.

Эти женщины были замужем, но поехали за ханшей без раздумий, хотя и сомневались в возможности своего возвращения домой. После обеда, по случаю воскресенья, отдыхали все. Я взял монгольский лук и несколько стрел и пошёл в поле к мишеням. Почти час тренировался. Лук в самом деле натягивался с большим трудом. Монголы стреляют, не натягивая тетиву, а отодвигая лук от себя, держа стрелу у уха, притом очень быстро, почти рывком. Пробовал по-разному. Однако мороз не дал времени пострелять подольше. Вернулся домой и стал готовиться к заступлению в наряд дежурным по лагерю. В 18 часов последовал развод на нашем маленьком плацу, и я с посыльными отправился в клуб, где принял дежурство от Марченко. С одним из посыльных сходили в столовую, где проверили качество еды, и я расписался в книге с меню на завтра. Потом прошёлся по лагерю и зашли на ужин. После отбоя, часа в 2 ночи проехали по сторожевым постам на лошадях и лёг спать до 7 утра.

Понедельник. 1 февраля. После завтрака поучаствовал в совещании. Все уже уяснили, что своими силами мы никак не успеваем со строительством. Надо нанимать артель, как в прошлом году. Поскольку Переяславль ещё лежал в руинах, решили искать артель в Борисово-Глебове. Уже сегодня туда решили отправить Марченко с Тепловым на ГАЗ 51. Пришло сообщение из Рязани от Паруша. К нам отправилась колонна саней, в сопровождении двух десятков дружинников, скорее всего с назначенным в Коломну губернатором, для утверждения у ханши. Прибудут к нам завтра, возможно, к обеду.

Опять определялись, где поселить артельщиков, а где гостей из Рязани? Дружинников безусловно разместим в гостевой палатке у ворот, а знатных лиц в свободных палатках, которых оставалось ещё 14 штук. Микишу велели принести дрова к пяти палаткам, запланированных для размещения приезжих. На этом разошлись по рабочим местам. Я с одним из посыльных проверили работу лесорубов. На сегодняшний день расчистили пока только три гектара, так как много времени ушло на перемещение козлового крана, а также пилорамы и их подключения к электросети. За десятиметровой лесополосой, очистив проход шириной в три метра, повели вырубку леса в северную сторону, углубившись в лес на 100 метров. Так и планировали продолжать, окружая Маргелово по периметру полосой новых посевных площадей. Предполагалось к посевной вырубить ещё 40 гектаров леса и за минусом земель, использованных для жилья в этом году, достичь около 80 га пашни, что конечно, для собственного выживания, было совершенно недостаточно. Но не будем о плохом. Будущее покажет.

Перед обедом вновь посетил ханшу и провёл очередное занятие. На этот раз учил писать имена фрейлин и наставника. Боракчин посчитала, что три буквы в день слишком мало и сегодня они записали шесть букв. Я проверил пройденный материал и был доволен их успехами. Для фрейлин, страдавших без общения с мужьями и близкими, эти уроки стали отдушиной и редким развлечением в их нынешнем положении заложниц. Они много шутили, но

через переводчика их шутки казались непонятными. Однако надеюсь, что к апрелю научусь хотя бы немного понимать их язык, который на 2-3 века вперёд станет языком наших будущих главных союзников, на что мы крепко надеемся. День прошёл без приключений и в 18 часов я сдал дежурство Забуирову.

Первые волонтёры и наложницы.

Вторник. 2 февраля. На утренней пятиминутке рассматривали вопрос об устройстве покрытия для улиц и дороги, хотя бы до выезда из леса на тракт Рязань – Коломна. Предложили разровнять трассы под улицы и дорогу, насыпать песку и устроить дощатое покрытие на брёвнах через 3 метра. Подсчитать количество необходимых материалов доверили Коверде. Как обычно провёл урок для ханши, а после обеда в 16 часов со второго блокпоста сообщили о прибытии каравана из Рязани.

Всех пропустили до ворот лагеря. Дружинников, общим числом 25 человек, спешили и предложили разместиться в гостевой палатке. Внутрь пропустили троих рязанских бояр, из которых один баллотировался, как говорят в нашем времени, на пост коломенского князя. Их пока разместили в палатке походного госпиталя. Сюрпризом оказалось прибытие первых двадцати волонтёров и двадцати девушек наложниц для нас. Девушек разместили по 10, в палатках с двухъярусными койками, как и волонтёров. Всем предложили пока освоиться. Через час пригласили в столовую рязанских бояр. Мы собрались за нашим столом и предложили боярам присесть к нам, напротив. Посчитали, что Судейкин не будет присутствовать, как лицо для этих бояр, якобы, недоступное. Председательствовал Винокуров. Он разрешил боярам, не вставая, представиться. К нашему удивлению, здесь присутствовал боярин Куфа, бывший руководитель защиты Рязани. Двумя другими оказались уже знакомые мне и Иманкулову бояре Кобыла и Величко.

Они, увидев нас, заулыбались – Кого мы видим? Спасибо за конину и лошадей! –

– Я объяснил нашим, кто это такие и где мы с ними познакомились.

– Понятно- сказал Винокуров. – Так зачем прибыли, бояре? На это отвечал Куфа:

– Так назначил меня князь наш, Ингвар, чтобы я руководил Коломной до прибытия какого-нибудь князя. Вот и приехали мы, получить ярлык на коломенское княжество, а с okazji привезли вам 20 первых парней, сынов боярских, чтобы вы их научили ратному делу. Ну и двадцать девок молодых, как ханша Боракчин повелела и подарки ей –золото и меха, шубы медвежьи.

– Ну что же, – отвечал Винокуров, – Устроим вам завтра приём, как полагается, а пока расскажите, что там у вас в Рязани происходит-. И боярин Куфа рассказал, что Рязань восстанавливается, в деревни вернулись убежавшие от монголов люди, отстраиваются, пока живут в землянках, но весной, с помощью князя, будут строить избы и пахать землю. О налогах пока говорить преждевременно, уж очень большой убыток нанёс Батый. Но со сбором урожая, непременно будут доходы.

Я спросил у Куфы: – Скажи нам боярин, а как тебя называли при крещении, а то не знаем на кого ярлык выписывать? -

Куфа ответил – Крестили меня Иннокентием, а отец мой был Ипполит.

– Очень приятно, – сказал я, – Так вас и представлю великой ханше.

Винокуров осведомился у бояр – Где вы будете кушать? С нами или вам в палатку принести? Бояре попросили принести им еду в палатку. – Ну тогда ступайте, ночуйте, а завтра вам сообщим о времени приёма. Бояре ушли, а в столовую потянулся народ на ужин. Винокуров поручил дежурному Забуирову привести на ужин девок и волонтёров. Дружинникам из Рязани еду отнесли в термосах. Народ уже приступил к ужину, когда Забуиров вошёл в столовую ведя за собой две группы, одну из двадцати девчат, перепуганных и цепляющихся друг за друга и двадцать парней, молодцеватого вида, в возрасте, от 17 до 20 лет. Забуиров пригласил их садиться на свободные места, специально для них предназначенные. На ужине присутствовали 30 дружинников, свободных от дежурств, и мы всемером, так что места было достаточно.

Нам не понравилось поведение пятерых волонтёров, которые держались вместе и явно были, в авторитете у остальных. Они были довольно богато одеты и вели себя вызывающе. Громко говорили, смеялись без повода, помыкали остальными, заставляя других сбегать за хлебом или наложить себе еды в миску. На нас они смотрели с вызовом. Забуиров объяснил им, и девушкам, как пользоваться термосами, куда отнести грязную посуду и присоединился к нам. Поев, мы закурили и стали ждать, когда закончат есть пришельцы. Первыми закончили есть девчата и Винокуров позвал их к нам. Они подсели за соседний стол и опустив глаза приготовились слушать. Ни у кого из нас не повернулся язык, сообщить им истинное их назначение. Они все были не старше 18 лет, на первый взгляд почти одинаковые. Головы они замотали платками так, что одни глаза высывались. Платки они не сняли даже во время еды.

Мы переглянулись и указали Винокурову вести речь. Тот спросил у девчонок, здоровы ли они и всё ли у них в порядке? Те отвечали, что всё в порядке. Тогда Винокуров попросил их назвать свои имена, а я записывал эти имена в тетрадь. После этого их отпустили, объявив, что завтра им скажут, чем они будут заниматься. Только они вышли, Винокуров позвал, подойти парней. Те подошли и начали было садиться на скамью, но Винокуров крикнул: – Встать! –

Парни нехотя встали, особенно те, заметная пятёрка. По возрасту они, не на много, были моложе нас, а выглядели и вовсе одноклассниками и даже старше нас. Времена были такие, когда люди взрослели рано. Винокуров подозвал одного из парней и спросил его имя. Тот назвал, я записал его в тетрадь и только тогда Винокуров разрешил ему сесть. Так поступили со всеми двадцатью. После этого Винокуров стал их по очереди спрашивать, кто их родители и чему парни уже научены. У 15-ти парней родители оказались служилыми людьми князя или знатных бояр, а вот у пятерых особых, родители оказались боярами. Притом у самого «блатного» в отцах был думный боярин, великого князя, Величко. Стало понятно, почему перед ним раболепствуют остальные.

Все парни оказались грамотными и слегка обученными азам военного дела. У пятерых боярских детей с собой имелись мечи. И у всех были кони. Винокуров сообщил им, что мы будем их учить особенному военному делу, являющимся секретным. Учение займёт не менее полугода. Из них сформируется отряд в количестве 300 человек. На время учёбы им представят командиров десятков, из числа уже обученных дружинников. Пока они будут жить в палатках по 12 человек на двухъярусных койках, пока не выстроят казарму. Учение начнём по прибытии всех остальных волонтёров. До этого времени им придётся поучаствовать в общественных работах.

Сын Величко, по имени Вышата, спросил: – А что это за работы?

Винокуров ответил: – Какие будут необходимы, даже возможно навоз на поле возить.

Вышата и его друзья вскричали – Чего, чего? Нам работать, как смердам? Не бывать тому! Вышата взглядом заставил остальных присоединиться к отрицаловке. Они все галдели, подбадривая друг друга. Мы все молчали и ждали, когда они успокоятся. Наконец они затихли и Вышата провозгласил – Никто из нас не будет выполнять холопской работы!

Винокуров спокойно ответил ему: – Ради Бога, мы вас не держим. Завтра после завтрака можете уезжать по домам.

Вышата встал и громко позвал своих друзей – А ну ка пошли отсюда! Пусть поищут себе холопов, а мы здесь не останемся. – И они ушли, притом было видно, что 15 последних ребят уходят с большой неохотой.

На этот уход высказался Семёнов: – Надо передать князю, чтобы в следующий раз он присылал только добровольцев, согласных выполнять любые работы. Вот и давайте с этими гордецами передадим князю свои пожелания. Все согласились.

Ну а мы пойдём на урок монгольского. Перед тем, как разойтись спать, кому в казарму, а кому к жене под бок, написали на бумажках имена девчонок и потянули из шапки. Мне попались имена Бажена и Веселинка. Решили, что каждый волен поступать со своими девчонками, как посчитает нужным. Судейкин сначала вообще категорически отказался от девчонок, но был вынужден согласиться взять их хотя бы в служанки. Забуиров и Иманкулов тоже согласились брать девчонок с большой неохотой. Им вообще грозила опасность получить по загривку от своих ревнивых красавиц.

Среда. 3 февраля. После завтрака, Вышата, с группой соратников, покинули лагерь. Однако, с ним уехали не все. Остались трое парней. Они подошли к нам после того, как Вышата скрылся из глаз.

– Мы остаёмся – сказал один из них.

– Ну и правильно – ответил Винокуров. Судейкин завтракал дома и пришёл попозже, так как согласовывал приём у ханши, назначенный на 10 часов. Парням велели возвращаться к себе, а мы подумаем, что им поручить. Я высказал мысль, что кузнецам необходимо поручить изготовить пару четырёх лемешных плугов, чтобы пахать на САУ и соответственно борон подходящей ширины, чтобы не мучиться с лошадьми. Из старых фильмов многие помнили кадры вспашки тракторами целинных земель.

Конечно, тракторы были мощнее, но нам и такие подойдут. Помнится, сзади на площадке должен был стоять помощник пахаря, регулирующий глубину вспашки. Но кузнецы наверняка поймут, что от них требуется. По нашим данным, в прошлом году нам требовалось два-три дня для вспашки гектара земли одной лошадью. При использовании САУ, несомненно потребуется гораздо меньше времени.

– Вот и иди к ним, и объясняй, – предложил мне Судейкин. Я согласился.

– Что будем делать с девушками? – спросил Марченко.

Винокуров подал идею – Пусть каждый из нас берёт своих наложниц и селит в отдельной палатке, объяснив, что с этого момента, именно он является их хозяином. А там пусть делает с ними, что захочет. -

По словам Куфы, эти девки являются холопками бояр Величко и Кобылы. По местным меркам, это простые рабыни, и их хозяева, в данном случае это мы, имеют право распоряжаться их жизнью и здоровьем, по своему разумению. Можете их хотя бы заставить стирать для себя форму и массажировать спину и ноги. Или что-то ещё, я не знаю. Сами решайте. Ну а что поручим троим волонтёрам? Пусть помогают на кухне и по лагерю. Передать их в распоряжение Микиша. Около 10 часов послали посыльного к боярам, чтобы они выходили, Оставив дежурного по лагерю Теплова для сопровождения делегации на приём, мы пошли в клуб, чтобы занять свои места, согласно расписанию. Ровно в 10 часов Теплов открыл дверь и объявил, что прибыла делегация от рязанского князя в лице таких-то. Бояре вошли и, подойдя к сцене, встали на колени. Сзади несколько дружинников несли подарки, в том числе 10 медвежьих шуб для каждого из нас. Встреча прошла шаблонно, хотя в конце, ханша потребовала от Куфы, прислать нам в течении месяца, тысячу кирпичей и сто кг гашеной извести.

Ханша прямо-таки угадывала наши проблемы и решала их своеобразно. Если честно, то она требовала совсем немного, ведь городам даровалась жизнь, а она чего-то стоит. Мы проводили бояр, уезжающих в Коломну, и вернулись к своим делам. Я сразу же направился к ханше с уроком русской азбуки. Кроме шести новых букв, я объяснил, когда ставят точку и пишут большую букву. После урока ханша спросила у меня – Нет ли в моём ведомстве ещё какого-нибудь кино. Ей очень понравились фильмы, и она хотела бы посмотреть, что -то новое. Я пообещал сегодня же устроить кинопоказ.

До обеда оставалось ещё час, и я пошёл в палатки к девушкам. Нашёл Бажену и Веселинку и отведя в сторону, постоянно смотревших в землю девчат, объявил им, что с этого момента они являются моей собственностью. Они молча приняли мои слова и продолжали ждать моих приказаний. Я заметил, что Коверда, Семёнов, Марченко и Винокуров тоже отобрали своих наложниц и показывают им их новое место жительства. Я приказал девкам идти за мной и подошёл к одной из свободных палаток. Зашёл с ними внутрь и показал на печь. Рассказал, как её растапливать. Показал на три койки и указал на свою (выбрал крайнюю). Сообщил им, что после обеда расскажу им об их обязанностях, а сейчас пусть они несут свои вещи и располагаются здесь, а потом идут на обед. Кстати, местные жильцы улицы Борисоглебской, столовались в своей столовой, отдельно от нас. Некоторые из них вышли на улицу и наблюдали за новыми соседями. Я повернулся и ушёл к себе. Обед проходил обычным порядком.

Наши наложницы явились всем скопом и заняв свои места, так и не снимая платков, в тишине, быстро пообедали и удалились. Мы, опять задержались и я рассказал о просьбе ханши. Судейкин не возражал. Фильм назначили на 21 час вечера, чтобы успеть провести урок монгольского языка. Я, заранее, с помощью двух дружинников, принёс в клуб кинопроектор с фильмом «Волга –Волга». Занавесли окна и поставили скамейки.

Дружинникам разрешил сообщить жителям о фильме. После этого пошёл к кузнецам и больше часа объяснял им свою задумку о четырёх лемешным плуге. Наконец они поняли меня и обещали завтра начать его делать. Я попросил Семёнова выдать им стальной лист и прокат металла по их просьбе. Уже в 18 часов вечера вновь зашёл в свою палатку. Там было

тепло и девчата, при виде меня, вскочили с кровати и поклонились. Я прошёл к своей кровати и присел на неё.

Девчата были закутаны платками, и я до сих пор даже не представлял, как они выглядят. Я велел им снять свои платки и показаться мне. Они, с большой неохотой, оголили свои лица и усталились в землю. В палатке было темно и только огонь из печки отбрасывал красные блики на окружающие предметы. Поэтому я не разглядел их мордашек, но на первый взгляд они были симпатичными. Я встал и по очереди поднял каждой двумя пальцами лицо за подбородок и поглядел поближе, но всё равно ничего не понял. Завтра погляжу внимательнее при свете, – подумал я. А пока, вновь присев и велел им тоже садиться, спросил одну из них – Расскажи про себя коротко.

Она сбивчиво начала что-то говорить, но настолько тихо, что я ничего не понял. – Ладно, – сказал я. Мне надо идти, а вы отдыхайте. Мы встретились на ужине, где все двадцать, закутанные в платки, быстро поужинали и убежали. Мы прослушали очередной урок и сразу же направились к клубу. Я с Иманкуловым наладил кинопроектор, зарядили первую бобину и приготовились к показу. Первыми спустились из своих комнат ханша и её люди. Судейкин с Юмагас, Забуиров и Иманкулов с супругами. Все заняли места в первых рядах. После этого впустили жителей. Зал наполнился до отказа. Я запустил аппарат и фильм пошёл. Не многие поняли суть картины, воспринимая её, как реальность. Многие смотрели фильм впервые и часто вскрикивали в процессе показа. Фильм был интересен в плане того, что в нём участвовало мало технических средств, поэтому его легче было понять несведущим маргеловцам. Спать я решил в казарме. Ложась спать, мы не досчитались Коверду и Семёнова, которые, наверно, ночевали в палатках с наложницами.

Четверг 4 февраля. После завтрака пошёл к своим рабыням. С собой взял несколько свечей и спички. Зашёл в палатку. Мои девки вскочили и поклонились. Я прошёл к своей кровати и уселся на ней. Приказал снять платки. Сейчас солнце светило через окно и в палатке было достаточно светло. Встал и, как вчера, начал разглядывать лица девчонок. На этот раз мне удалось разглядеть их лица более подробно. Бажена была шатенкой с карими глазами и прямым носом. Её две косы висели до пояса, как, впрочем, и у блондинки Веселинки. У Веселинки носик был курносый и слегка веснушчатый. Лица у обеих были чистые и довольно нежные. Роста они были примерно одинакового, но Бажена на 3-4 см выше. А в целом обе мне до подбородка.

Фигурки, они имели стройные, отнюдь не худые, а вообще от них так и веяло молодостью. Веселинка наверняка была смешливой, судя по имени, но на меня никто из них не посмел взглянуть. Что смущало, так это не очень приятный запах от них. Обе напялили на себя штук по десять юбок, телогреек, платков. Обуты в лаптях на шерстяные носки. Волосы давно не мыты. Я указал им на их неряшливость. Потом попросил их подробно рассказать о себе.

Начала шатенка Бажена: – Её родителей захватили в плен недалеко от Киева, где они жили в маленькой деревушке. В тот год суздалыцы, в союзе с рязанцами, ходили в поход на Киев и разгромили киевлян. Было захвачено и угнано в полон очень много людей. Бажене было в то время около шести лет. Родители попали в услужение к боярину Кобыле. Отец стал работать на конюшне, а мать стирала бельё. Девочка до 11 лет росла при родителях, а с 12 лет тоже начала помогать матери. В 14 лет Кобыла призвал её к себе и насильничал. Но потом сразу забыл о ней, потому что у него было много других, более горячих и красивых наложниц. Недавно ей стукнуло 16 лет. А неделю назад тиун Кобылы велел ей собираться и уезжать в

Переяславль наложницей у каких-то курсантов. Она думала, что её хозяином окажется старый и толстый богатей, но слава Богу, это не так. – А не моемся мы для того, чтобы на нас не обращали внимания. – Я порадовался, что Бажена знает, зачем её сюда прислали. Не придётся придумывать способы подкатиться к ней.

Следом за ней я выслушал историю Веселинки. Её родители обеднели и продались тому же Кобыле в холопы, ещё лет 15 назад. С тех пор отец её служит на псарне, а мать следит за свиньями. Она тоже с 12 лет помогает матери. Девственность потеряла с молодым конюхом, которого полюбила и отдалась ему, зная, что в любом случае ею может воспользоваться любой из семьи её хозяина. И ей тоже сообщили причину отсыла от двора боярина. Она надеялась, что если Богу будет угодно, то может удастся ещё свидеться с родителями, всё-таки живут они поблизости.

– Ну что же! – сказал я. – Значит, вы знаете свои обязанности и это облегчает моё положение. Вам не надо объяснять, что и как. Пока у меня нет времени и я уйду по делам, а вы, чтобы к вечеру искупались в бане и, если у вас есть какая-то одежда поновее, переоденьтесь. – Я пошёл к ханше и провёл очередной урок. Между прочим, ханша уже знала несколько слов русского языка, я догадываюсь, что она учила его у своего переводчика, а с ней вынужденно учились и её фрейлины, и наставник Сартака и сам Сартак, не считая служанок. Да и я тоже уже знал несколько монгольских слов и, при желании, мы бы уже смогли говорить на самые простые темы без переводчика.

Самому переводчику было очень полезно к словарному запасу выучить ещё и письменность. Обладая знаниями нашей письменности, совсем не сложно прочитать текст на кириллице. Ханша запросто уже читает русский текст по уставу караульной службы, хотя не понимает о чём речь. Как и я, к примеру, могу без труда читать на любом европейском языке, кроме французского, на котором написанное совершенно отличается от произносимого, тоже не понимая смысла. Ханша пригласила меня задержаться и попить чаю с ними, и я согласился. Мы сели на ковёр по-турецки и мне налили пиалу чаю. Ханша спросила, почему я не одел медвежью шубу? Я отговорился, что мне не холодно, тем, более, что я передвигаюсь лишь по территории лагеря. Но вот, как только поедем куда подальше, то непременно одену. Спросила она и про девушек.

Я опять же ответил, что мы все рады подарку, но мы вообще то будем в дальнейшем бороться против института наложниц и в конце концов заставим относиться к женщинам, как к равным. Её позабавило моё рвение, и она похвалила меня за мои идеи, но усомнилась в возможности претворения их в жизнь в этом столетии. Я, честно говоря, тоже сомневался в этом. После этого я откланялся у ушёл на обед. К этому времени прибыл один из дружинников, которого Архип посылал за знахарем.

Пришлось посылать за ним сани с конём, чтобы перевезти всё имущество знахаря, в том числе кучу сушёных трав и корешков. Судейкин пригласил знахаря для разговора в столовую. Мы все сидели за столом, когда в дверь вошёл высокий худощавый человек. На нём была одета шуба нараспашку из под которой виднелась длинная белая рубаха до самого пола, расшитая узорами и сложным орнаментом. Рубаха в талии была опоясана витым кожаным ремешком, концы которого свисали до самых колен.

В правой руке он сжимал посох из дерева с причудливо загнутым концом. Его голова была перевязана широкой полосой материи, крепящей длинные волосы. На вид ему было не

менее 50 лет, а волосы и на голове, и в бороде были седыми. Он, не обращая внимания на окружающую действительность, сразу направился к нам и остановился перед нашим столом. Видно было, что он не собирается кланяться и выглядел он очень независимо и гордо. А какие у него были глаза ! Он обвёл нас глазами настолько пронзительными, что казалось прожигает взглядом насквозь. Никто из нас не смог вынести его взгляда и мы отводили свои глаза в сторону, когда он останавливал свой взор на ком –нибудь из нас. Стало, как то не по себе, даже трепет какой то появился.

Наконец знахарь остановил свои глаза на Судейкине и некоторое время изучал его. Мы все молчали. Внешность знахаря настолько подавляла и внушала уважение, что у нас не находилось слов. Такие люди призваны были повелевать. Но вот знахарь несколько обмяк и сразу сделавшись добродушным дедушкой, заговорил:

– Вижу ваши задумки, вижу ваши затруднения. Однако помыслы ваши верны и не преследуют личного обогащения. Но согласитесь ли вы дать одному из последних волхвов приют от преследования ? Ибо не приемлю я новую веру, которую силой внедряют в человеческие умы и которая заставляет этих людей верить в богоизбранность князей и их непогрешимость в поступках. А я, волхв Всеслав, продолжаю веровать в Даждь Бога, и Перуна, и в Велеса, и Мокошь.

Судейкин отвечал: – Нам безразлично в кого ты веришь. Для нас главное, чтобы ты приносил пользу обществу. Мы не будем вмешиваться в твои религиозные обряды и диктовать свою волю. Если ты согласен помогать людям бескорыстно, то можешь ожидать от нас только благодарность.

– Волхв подумал и согласился. Судейкин пригласил его присесть напротив нас и коротко рассказать о себе.

Волхв: – Я уже сказал, что зовут меня Всеслав. Родился я в пронском княжестве 53 года назад. Родители мои погибли при набеге половцев и с трёхлетнего возраста воспитывался волхвами. Как достиг я тридцати лет , так и сам стал волхвовать . Научился лечить людей, видеть будущее. Деревня наша скрывалась в дремучих лесах и не приняла христианства, продолжая верить в своих древних богов. Но выследили нас княжеские люди и пришли крестить нас. Но мы отказались и тогда княжеские люди привели воинов и заставили всех креститься, а кто отказался были убиты.

Я же жил в лесу и не смогли меня найти. Но люди знали, где моё жилище и приходили ко мне, кто лечиться, а кто и совета спросить или будущее узнать. Прознал про меня епископ пронский и приказал меня найти и доставить к нему на суд. Но я ушёл ещё дальше в леса, где меня могут найти только те, кому это очень необходимо. Хоть и погиб пронский епископ от монгольского меча, но не оставят меня в покое. Если же вы в самом деле не выдадите меня и обещаете не вмешиваться в мои дела, то я буду помогать людям, как я и раньше помогал. Рассказ волхва прервался из за того , что в столовую повалил народ и начал рассаживаться за столы. Судейкин пригласил Волхва за наш стол и тот пересел к нам. Дежурный по столовой поставил на наш стол термос с едой. Сегодня это была гречневая каша с мясом лося. Марченко наложил в миску каши и поставил её волхву, а уж потом разложил остальным.

Волхв достал свою ложку и начал есть. Мы тоже присоединились к нему. А потом пили чай с травами и Судейкин спросил у волхва, согласен ли тот жить у нас в палатке до весны, а

потом ему построим дом. Контролировать его не будет никто и он волен делать всё, что ему необходимо. Кормить его будут бесплатно, а если потребуется одежда, то и её получит. Но мы просим его взять на обучение одного или двух учеников. Всеслав отвечал, что желательно бы ему отвести жилище в стороне от людей, но не далеко. Не любит он шума людского. Судейкин предложил ему поселиться у бывшей землянки Афанасия, не в самой землянке, а в палатке, а весной мы ему обязательно построим избу. Всеслав сказал, что слышал он о старце Афанасии и даже однажды встречался с ним и спорили они о вере, но каждый остался при своём мнении. Обед закончился и все стали расходиться, а к нам присоединились Архип и Микиш. Оба с уважением поглядывали на волхва. Судейкин велел Микишу послать 3-4 человека к бывшему жилищу Афанасия, чтобы поставить рядом палатку.

Для этой цели забрать одну из двух палаток, предназначенных для изолятора походного госпиталя. Все вещи волхва отвезти туда же. Спросили Всеслава – будет ли он приходить кушать к нам или ему дать продуктов и он сам себе будет готовить? Всеслав сказал, что будет готовить сам, но возможно изредка будет заходить к нам пообщаться и есть в столовой. На этом мы пока растались. Обменялись мнениями насчёт Всеслава.

Вот это человечие ! – заявил Коверда. – Вот кому бы править княжеством !

– Да хотя бы быть кардиналом при князе – подключился Семёнов. – Эдаким герцогом Ришелье ! Все согласились. Впечатление от волхва осталось неизгладимое.

Марченко начал было тему о возможном переходе Руси назад в язычество, но мы не согласились, посчитав это уже неосуществимым, ибо народ уже не выдержит поворота вспять. И без того крещение Руси обошлось в несколько миллионов жизней несогласных. Оставим пока всё как есть, да и не в наших силах спровоцировать народ на подобное мероприятие. А вот католиков стоит потрепать и мы это сделаем через пару лет совместно с Батыем. Укажем им на их место в новом раскладе на политической карте Европы. Да и в Золотой орде сделаем всё возможное, чтобы они приняли православие, а не ислам и в этом нам поможет ханша Боракчин и её сын Сартак. – А как обстоит дело с приглашением «шабашников»? – спросил Судейкин.

Теплов ответил, что их поездка в Борисовоглебово была безрезультатной. В это время все окружные крестьяне заняты строительством и ремонтом своих жилищ, разрушенных монголами. Однако воевода обещал поискать свободные руки и сообщить нам в случае успеха. – А что со строительством казармы ?

На это ответил я: – Мне сообщил плотник Горазд, что завтра к концу дня работы будут практически закончены. Осталось оштукатурить помещения изнутри и поставить кровати и мебель. Справились за 10 дней. Артели работали гораздо быстрее, но там всё-таки все были спецами.-

Судейкин спросил: – Коверда, что ты там насчитал об устройстве дорог?-.

Коверда: – Мы имеем улицы и дорогу до первого блок поста в целом примерно 500 метров. На отсыпку уйдёт песка 75 кубометров, брёвен длиной по 5 метров 170 штук, досок сороковок почти две с половиной тысячи и гвоздей около 7 тысяч, причём длиной не менее семи сантиметров. У нас может столько не набраться.

– Ого ! – выдохнул Судейкин. – Это мы не потянем. Придётся забыть об этом проекте. Давайте тогда просто выровняем дорогу и засыпем песком.

– Хорошо бы щебнем, – подсказал Коверда.

– Хорошо бы, да где его взять ? Камнедробилку ещё не изобрели.

– А если вымостить камнем ? – опять ввернул Коверда

. – Очень трудоёмко- вздохнул Судейкин.

– Короче попробуем песок, – решил Судейкин, -но это уже весной.

Слово взял **Архип**: – господа курсанты, а не пора ли вам выдать нам зарплату за январь месяц? Договор дороже денег! Мы уже согласны, что за несколько дней декабря плату не возьмём, но за январь –обязательно. Люди уже волнуются.-

– И то верно – согласился Судейкин. – Давайте установим, раз вспомнили именно сегодня, что каждого четвёртого числа месяца, все получают зарплату за предыдущий. Или будем платить понедельно ?

Архип: – давайте каждые полмесяца !

– Хорошо – ответил Судейкин, – но сегодня за весь январь, а 20-го числа за полмесяца.

Архип: – Пойдёт –

– Итак – Судейкин прикинул в уме и сообщил Архипу, что за январь, согласно договору, по 4 гривны в год , составит за январь одну гривну кун или 50 вевериц. На 50 дружинников это выйдет 50 гривен кун или 12 с половиной кун серебра. На 5 десятников по 8 ногат, итого 2 гривны серебра. Да тебе полгривны серебра. Вместе получается ровно 15 гривен. Я сейчас принесу. Судейкин ушёл и вернулся через 10 минут. – На, получи и распишись.-.

Все эти 10 минут Архип ворочал мозгами, пересчитывая в уме ногаты в гривны и веверицы в куны. Вроде бы всё совпало. У Судейкина, как казначея, была заведена тетрадь прихода и расхода. В ней он записал, что передано Архипу 15 кун серебра.

Архип расписался и положил деньги в пояс

. – Микиш, а ведь с тобой мы не договаривались о плате? – Спросил Судейкин. – Подходи перед ужином, решим этот вопрос. Всё, на сегодня хватит. Все свободны. Я позвал Забуирова и мы пошли поглядеть на строительство казармы. Коробка здания была закончена, крыша установлена и работы проводились внутри. Второй этаж до середины был кирпичным, а выше из брёвен. Окна хоть и были невысоки, но зато их было много. На каждом этаже было по одному унитазу, как решили, для экстренного случая, а остальные на улице. Зато умывальники сделали на всех, соорудив из досок корыто с десятком кранов и сливом на улицу. Хватит на всех, если по очереди. Около 5 часов вечера Забуиров ушёл домой. Кстати, он всё-таки, забрал своих наложниц и сделал из них служанок для Юлдуз. Точно так же поступил и Иманкулов для своей жены. Судейкин своих наложниц передал первой жене , Лёсе, хотя она в служанках не нуждалась, но положение, как говорится, обязывает. Так что три палатки освободились.

Я раздумывал, куда пойти ? Решил идти и рисовать карту СССР. Близко перед ужином в казарму заглянул Судейкин. С ним был Микиш. Они уселись за стол и начали решать вопрос о зарплате эрзянам. Поскольку ранее каждый из эрзя получал некоторые суммы денег для покупок и на торге, то решили также считать, что зарплату будут получать с января этого года. Конечно же размер её не должен быть меньше, чем у дружинников.

Притом молодым эрзянкам, которые участвовали в нападении на Батю, тоже надлежит оплата. Решили, что за январь всем им заплатят, как дружинникам, а дальше посмотрим. Микиш будет получать больше Архипа – семь гривен в год, как выполняющий обязанности коменданта лагеря. Судейкин посчитал общую сумму и выдал деньги Микишу. После этого все мы пошли на ужин. После ужина и урока монгольского, поплёлся в палатку к рабьям. Сердце стучало, весь был напряжён.

Не знал, как себя вести. Должен признаться, что я, к своим годам, как и подавляющее число моих сверстников, был девственником. В СССР все СМИ , пропаганда и общественное мнение, утверждали, что у нас нет секса, который является продуктом разложившейся и загнивающей системы капитализма. Родители также воспитывали детей в том же духе. Считалось, что у молодых людей до свадьбы, любовь может носить только платонический характер, а добрачные связи строго осуждались.

И большинство населения придерживались этих правил. А вот сейчас я, имея возможность вступить, так сказать, в добрачные связи, боялся и одновременно желал этого. Время было половина десятого и электричество в Маргелово отключено. В окнах домов светятся керосиновые лампы или свечи в пожаробезопасных фонарях «Летучая мышь». В моей палатке свет не горел. Я подошёл к пологу и остановился в раздумьях. В соседней палатке у Коверды свет горел и внутри был слышен смех и движение.

Я, ругая себя на чём свет стоит, откинул полог и вошёл внутрь. Девчата лежали на своих кроватях и то ли спали, то ли притворялись, непонятно. Я сел на свою кровать и начал раздеваться. В темноте, одежду положил куда то на пол, на сапоги. Там же скинул шинель и залез под холодное одеяло. Девки даже не пошевелились. Я лежал, наверное целый час. Меня душила злоба на самого себя, за то, что не могу даже своих собственных рабынь заставить что-то делать для себя лично. Вот суки, думал я, как со старым Кобылой спать, так это нормально, а молодым и добрым хозяином можно помыкать. Вот что значит рабская сущность – чуть дал им воли и они на твою шею взгромоздились! Да идите вы на хрен ! Я почти вскочил и начал одеваться. При этом поднялся шум и я заметил, что девки уже не спят, а явно притворяются. Я надел брюки и гимнастёрку, а шинель взял под мышку и выскочил из палатки. Ругаясь про себя и почти бегом вернулся к себе в казарму, и улёгся спать на своей кровати. Кроме

меня, в ней оказался один лишь Зотов, который уже давно спал. Интересно, а у него какие причины ночевать в казарме? Я улёгся и ещё наверное час изводил себя картинками наказания своих наложниц. Наконец я заснул.

Пятница.5 февраля. Я проснулся и вспомнив вчерашнее, помрачнел. Зотов уже встал и сходил в туалет. Я тоже быстро привёл себя в порядок и спросил у него – Ты чего это ночуешь здесь? –

Он ответил – Я стесняюсь своих наложниц. До сих пор ещё ни разу не говорил с ними. Только когда показал им палатку и объяснил, как пользоваться печкой.

– А ты что ? – спросил он. Я не нашёл что сказать.

– Устал, -говорю, – Решил выспаться-.

– А, понятно, протянул Зотов.– Ну пошли на завтрак ! –

Мы отправились в столовую и оказались там первыми. Потом подтянулись женатики – Судейкин, Забуиров и Иманкулов. Ну а после , по одному, остальные, с помятыми мордами, не выпавшиеся, но довольные, это было видно отчётливо. Зал между тем заполнился дружинниками, холостыми парнями и нашими наложницами. Наши с Зотовым девчата были замотаны платками и вели себя тихо, зато остальные выглядели довольными, переговаривались между собой, смеялись. А платки у них, всего лишь накрывали волосы.

Лица были открыты и они стреляли глазами в сторону своих рабовладельцев. Я только один раз взглянул в сторону своих наложниц и больше демонстративно не глядел. Они, между прочим, ушли из столовой последними, всё чего-то ждали. Зотову же я сказал, что эти девки все учёные и на них «негде пробу ставить». Зотов попросил объяснить и я ему рассказал, что, якобы, эти девки у боярина Кобылы работали обслугой у него самого и его друзей. Это вроде бы они сами мне рассказали. Хотя про его девок я не уверен. Но он не должен их стесняться и жалеть, а наоборот проявить твёрдость и обращаться с ними жёстко, как если бы это были одушевлённые куклы.

Они, мол, по другому не понимают. Через несколько минут я пожалел, что так говорил, всё-таки, я не знал точно причины их подобного со мной поведения, но я был зол на весь мир. Начали совещание. Судейкин спросил – Чем занимаются трое оставшихся волонтёров ?

– Микиш сообщил, что они и с ними трое наказанных за сон на посту, работают в казарме, работают добросовестно, без нареканий. Сегодня к вечеру они закончат внутреннюю отделку и в казарму можно будет ставить койки и заселять.

– Хорошая новость – порадовался Судейкин.

Я тоже выступил – Относительно мощения улиц и дорог. Есть идея. Всё, как и раньше, но вместо прибивания на стыке всех досок, ограничиться накладкой сверху на стык из 15-20 досок, поперечной доски , толщиной в полтора – два сантиметра и забиванием гвоздей только в 4 точки- по крайним доскам в стыке. А для лучшего закрепления просверлить в середине 2-4 отверстия и вбить туда деревянные шпильки. Тогда гвоздей, скажем 3 x70, потребуется ровно в 10 раз меньше, около 700, а это менее 3 кг.

Вот это дельное предложение! -посыпались одобрения со всех сторон.

– В самом деле, – сказал Судейкин, – Тогда дело решено, так и поступим. Надо отдать задание – напилить брёвен в размер по 5 м, а к ним две с половиной тысячи досок длиной 9 м и пару сотен досок длиной 5 метров и толщиной 2 см. Пусть сегодня же начинают и складывают особо. Архипу, подготовиться на завтра к переезду в новую казарму. Микиш, сколько у тебя мужчин военнообязанных и обученных к огнестрельному оружию ?

– У меня – ответил Микиш – 24 мужика со мной вместе. Минус Паруш в Рязани . Плюс семь с Кежаем. Но эти семеро умеют обращаться только с пистолетом. Итого ровно тридцать человек.

– Прекрасно – засветился Судейкин – Как раз 30 десятников на батальон волонтеров. Сержантский состав, можно сказать, готов. Вот и всё на сегодня. Архип и Микиш вышли, а я попросил наших остаться.

– Что такое ? – спросил Судейкин .

Я ответил: – Это разговор касается только нас. Вы вот сейчас сказали о сержантском составе батальона. Он готов. А вот подумал ли кто –нибудь о том, как мы будем выглядеть в будущем с курсантскими погонами, сержантом Винокуровым и лейтенантом Судейкиным ? Как мы планируем называть волонтеров и их командиров ? Если сержантами, то они будут равны с Винокуровым, а если командиры взводов будут лейтенантами, то что они скажут про Судейкина ? А какое звание будет у командира сотни или даже тысячи ? Я не боюсь за себя – курсантов ни в одной армии пока ещё нет. Может вы предложите всем нам присвоить генеральские звания, чтобы нас не спутали с местными командирами? Давайте немедленно решать этот вопрос. Хотя это надо было решать ещё в прошлом году!– Моё заявление повергло всех почти в шок. Курсанты всегда мечтали стать лейтенантами, а что получается? Я добавил – Как мы будем различать воинские звания ? Надо же придумать знаки различия. У нас уже есть воины с лычками ефрейторов и сержантов, а будем ли мы вводить институт офицеров для армии нового строя?

– Ну ты Фёдор и задал нам задачу! – пробурчал Судейкин. – Но вопрос в самом деле чрезвычайно актуален. Нам нельзя унижать свои звания. Кто что предлагает ?

Все задумались. Я опять взял слово: – Товарищи, прежде чем задать этот вопрос, я конечно подумал о его решении. Вот что я думаю, поскольку уже все в княжестве и в орде Батые знают, что мы курсанты, Судейкин лейтенант, а Винокуров сержант, то нам так и придётся до самой смерти носить эти звания. А вот в новой армии я предлагаю ввести звания, которые были приняты в российской армии до революции. К примеру – младший и старший урядники, вахмистр, поручик, есаул и т.д. вплоть до генералов. Сохранить лычки для младших командиров, а для офицеров использовать кубики и шпалы. Пока остановиться на одинаковых цветах погон и без эмблем.

Позже пусть они сами изобретают новшества. Несколько минут стояла тишина.

Судейкин сказал: – Примем за основу! – Если кто то недоволен, пусть предлагает свой вариант. Но не сегодня. Все свободны!

Но тут я вспомнил кое что и крикнул: – Подождите!

– Что ещё ? –спросил Судейкин. – Послушайте – Сегодня в казарме мы спали вдвоём с Зотовым. Не может так получиться, что завтра в казарме никого не останется? А ведь у нас там оружие , рация, вещи и самое главное – казна!

–Твою мать ! – В сердцах выругался Судейкин. – Вот новое дело ! Пусть по ночам спят в казарме не менее двух человек. Бросьте жребий и составьте график.– Судейкин ушел, а с ним Иманкулов и Забуиров. Я и остальные остались.

– Давайте, пишите свои имена на бумажках ! – распорядился Винокуров. Мы написали свои имена на клочках бумаги и бросили в шапку. Я сообщил, что сегодня точно буду ночевать в казарме, так что пусть тянут только одну бумажку.

Потянул Коверда и вытянул самого себя. – Тьфу ты, чтоб тебя! – выругался он. – Ну вот, сегодня я и Олег – сказал я. – Так, а завтра ?

Коверда снова потянул две бумажки. – Выпали Зотов и Теплов. На послезавтра вытянули Винокурова и Марченко. Остался Семёнов.

– Вот так и запомните свою очередь, сказал Винокуров и мы разошлись. Я пошёл в казарму заканчивать карту СССР. Кое кто тоже сидели здесь и рисовали свои карты. К 13 часам я закончил наконец карту и ,скатав её в рулон, пока что положил на свою кровать и пошёл к Боракчин. Все буквы я уже им передал и теперь только проверял насколько они их запомнили. Я им диктовал их имена и они записывали их русскими буквами. Я кое где поправлял их. Ещё раз объяснил им правописание точек, запятой, вопросительного и восклицательного знаков. Следующий раз расскажу про кавычки, многоточие и тире.

Уже кое что я говорил сам по- монгольски, а ханша улыбалась и поправляла. Зато девицы фрейлины просто покатывались со смеху. Посмеялись все от души и я, в хорошем настроении, покинул клуб, направляясь в казарму. На углу столовой , напротив напорной башни, я разглядел две фигуры замотанные в тряпки. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, видимо от холода. – Это ещё кто ? –подумал я, приближаясь. Уж не мои ли это наперстницы ? И точно, узнал я их с двадцати шагов.

Они явно ждали меня. Я хотел было развернуться назад, но понял, что покажусь трусливым и продолжил идти, делая вид, что не обращаю на них внимания. Однако, дав мне подойти к ним на несколько шагов, они обе кинулись ко мне и рухнув на колени, обхватили мои ноги, прижимаясь к ним лицами, отчего я чуть не рухнул в снег.

Одновременно обе, довольно громко, запричитали: – Господин, простите нас, не наказывайте, ради Бога ! – Хотя вокруг никого не было, но с водонапорной башни нас было видно и слышно прекрасно.

Я, через зубы, заорал на них – Молчать! А ну прочь с дороги! – Но они не отставали и вцепившись в мои ноги целовали мои колени и хватали за руки, тоже пытаясь их облобызывать. Я, громким шёпотом, стал их уговаривать – Тихо! А ну отпустите!

Схватил обеими руками каждую за шиворот и поволок в сторону палаточного посёлка, к своей палатке. Они даже не пытались встать на ноги и я был вынужден волочить их по улице, где несколько крестьянок вышли из своих палаток и наблюдали за спектаклем. Уже помогая им пинками, я доволок их до палатки и втащил внутрь. Они, было замолчавшие, вновь начали вопить, но я тут залепил каждой по губам, не сильно, но чувствительно.

Они заткнулись и я спросил: – Чего вы орёте, что хотите? – Они, однако, вновь кинулись на мои ноги и обхватили их, чуть ли не валя меня на пол.– Простите нас, господин, не выгоняйте!– За что я должен вас простить? -

Бажена зачастила: – Это мы виноваты, что не встретили тебя, притворились спящими, дуры мы! Это мы поспорили, кто больше тебе понравился? Договорились, что не будем перед тобой красоваться. Посмотрим кого ты выберешь первой, а ты взял и ушёл. Только не выгоняй нас, мы будем делать всё, что ты захочешь, мы будем тебя любить!

Я сидел и смотрел, как они ползают передо мной. Как же можно вот так, забыв о девичьей гордости, изображать любовь к абсолютно чужому человеку? Да, какие чуждые у нас интересы и взгляды на жизнь! С другой стороны, я представил себя на их месте. Они рабыни, хозяин может отнять у них жизнь в любой момент. А жизнь эта совершенно безрадостна и тяжела. А ведь им, наверное очень хочется получить от жизни хоть капельку счастья. Вполне возможно, что прожив всю жизнь, не получишь этой капельки, как её проживают тысячи и тысячи таких же, как и они, горемык.

Вот что с них взять? Какая им разница, кто будет у них хозяином? Лишь бы давал возможность жить. Хоть Кобыла, хоть я. А ещё страшно изменить жизнь, поменять хозяина, пусть плохого, но привычного, на неизвестного. Они же ко всему совершенно безграмотные, ничего не выдавшие в своей жизни. Мне стало их жалко. А ведь этим девчонкам повезло. Мы не можем относиться к ним, как к рабыням. А они вот кочевряжатся. Ладно, я может быть их прощу, но надо их поугатать.

– Завтра возвращу вас боярину Кобыле. Он как раз будет возвращаться из Коломны. Он же вам нравится ?

– От девок взрыв отчаяния и просьб – Не отдавать.

Я смиловился и уже более миролюбивым тоном спросил – Вы в бане мылись? –

– Мылись, мылись и переоделись.

– Ну ладно, я подумаю, а сейчас пора идти на ужин. Вам тоже надо.

– Они взмолились: – Приходи вечером, мы встретим со всей любовью !

Я ответил: – Не ждите. Только не сегодня. – И я, выпростав ноги из их рук, вышел наружу. Из соседней палатки выходил Коверда, весёлый и красный, весь вспотевший. Что, жарко? – спросил я его.

– Ещё как ! – ответил он. Мы пошли вдвоём. Я немного успокоился и злость практически прошла. В самом деле, нашёл на кого сердиться ! На ужине мои холопки не сводили с меня глаз, из за чего мне даже стало стыдно. После урока монгольского, меня тянуло в палатку, но я уже подписался на ночёвку в казарме с Ковердой. Мы легли в кровати и он начал мне рассказывать про свои впечатления от барской жизни. Чего только он не вытворял со своими наложницами ! Мне стало завидно, но меня грела мысль, что я ещё нагоню его.

Суббота. 6 февраля. Дружинники, получившие зарплату, после завтрака уезжают в Борисовоглебово в церковь и купить кое что . Кто то хочет навестить выживших родственников и знакомых. Переяславль ещё не восстановился и народ в нём всё еще убирает завалы и пытается как то выжить до весны. Архип попросил Судейкина повременить с переездом до понедельника. К нам по пути из Коломны заехал боярин Кобыла. Он торопится в Рязань к

семье и заехал только, чтобы передать тысячу кирпичей и гашёную известь. Сам он сразу же умчался, а подводы с кирпичём пришлось разгружать всем, кто не успел уехать в город. Кирпич сгрузили на улицу у палаток и накрыли брезентом. Я взял один кирпич и подивился его виду.

У них он назывался «Плинфа», как мне объяснил возчик. Размером он 40х40 см и толщиной от 3-х до 4-х см. Говорят, что тонкий кирпич обжигают быстрее и качественней толстого. А производят его обычно в монастырях. Ну и ладно, хоть такой. Будет чем своды печей выводить. На каждую печь должно уйти по крайней мере 50 кирпичей. Так что эти кирпичи – капля в море. Всего на двадцать печей хватит.

Надо искать ещё. Видел своих девок. Они страшно перепугались приезду боярина Кобылы. Думали, что я их выдам ему. Ходили за мной хвостом, но на приличном расстоянии. Только когда Кобыла уехал, они вернулись в палатку. Я пошёл в казарму, чтобы при свете дня рассмотреть карту СССР. Эта карта во многом напоминала ту карту, что мы подарили князю Юрию. Но эту я сделал красивей. Раскрасил разными красками моря и реки. Указал уже гораздо больше городов и вывел более чёткие границы княжеств и государств. Показал горы и перевалы. Мне самому карта понравилась. Кроме этой карты мы выполнили на таком же 24-м формате карты Польши, Чехии, Венгрии и стран Балканского полуострова. Границы мы вообще то знали очень относительно, так что даже не стали их показывать. Получился атлас карт.

Надо учесть, что у нас было 4 глобуса, правда совсем небольших, размером с баскетбольный мяч, но тем не менее. В шарообразность Земли в те времена верили очень немногие, а католическая церковь даже за такие мысли сжигала на костре. И уж тем более о материках Америка, Австралия и Антарктида никто не догадывался. Мы даже боялись показывать глобус кому бы то ни было. Единственный кто его видел, был лишь наставник Сартака. Итак, я взял свою карту и понёс к Боракчин, чтобы похвастаться. Объяснил ей про многоточие и т.п. Проверил насколько она запомнила пройденное. Она сообщила, что завтра едет в церковь. А ещё мы пошутили и посмеялись все вместе. Показал свою карту. Все, кто понимал в этом, восхитились, Обед, ужин прошли обычным порядком. После урока монгольского языка я всё же решил пойти в свою палатку. Имею полное право на сегодня. Захожу внутрь.

Навстречу бросаются обе девчонки. Кланяются в ноги, садят на кровать и снимают сапоги, бушлат. Целуют мне руки. Печка раскалилась и в палатке достаточно тепло. Сами девчонки снимают свои тряпки и остаются в белых ночных рубашках до пола. Видно, что под рубашкой у них ничего нет. К сожалению, им ещё нечем похвалиться.

Грудь ещё не очень большая, но фигурки стройные и ноги длинные. Видно, что они чистые, волосы помыты и пахнут чем то цветочным. Я, честно говоря, стесняюсь и не знаю куда деть руки. Девчонки между тем стягивают с меня брюки, китель и тельняшку. Я остаюсь в трусах защитного цвета. Они их рассматривают с удивлением.

Обнимают меня и заваливают на спину. Я не сопротивляюсь. Замечаю, что все три кровати сдвинуты вместе. Моя стоит в середине. Девчонки действуют с обеих сторон, гладят меня и целуют. Я начинаю, как у нас говорили «тащиться». Глаза мои закрываются, я плыву. Кто то стягивает с меня трусы. Трогают моё достоинство, которое уже стоит колом. Кто то залезает на меня и садится верхом. Я чувствую, что погружаюсь во что то мягкое и тёплое. Это первое в моей жизни знакомство с женщиной в постели. Ну а потом было разное, наверное часов до двух ночи, а потом заснули втроём рядышком.

Воскресенье. 7 февраля. Когда в 7 часов утра включили свет в лагере, я едва разлепил глаза. Рядом наблюдалась чрезвычайно заманчивая картина с видом на двух очень симпатичных девушек, с разметающимися волосами на подушках. Надо было торопиться к выезду ханши Боракчин в церковь и я начал было подниматься, но не утерпел, перелезая через Веселинку, тем более, что она, проснувшись, обняла меня и не отпускала, препятствуя моему движению. Пришлось залезть к ней под одеяло и лечь на неё, отчего она закричала, но я оперся на локти и дальше всё прошло, как по маслу.

Бажена проснулась, услышав наши стоны и скрип кровати. Она положила свою ногу на мою спину, а рукой гладила мою голову. Если бы у меня было ещё полчаса времени, я бы непременно полежал бы и на ней, но надо было спешить. Я быстро оделся и помчался в казарму, где быстро привёл себя в относительный порядок. Подтянулись и остальные курсанты. Быстро умывались, чистили зубы и в столовую. После затрака недолго поговорили о делах насущных и пошли, кто седлать коней, кто выводить

машину из бокса. Кстати пришлось выводить и ЗИЛ 131. Среди желающих посетить церковь оказались все 20 наших девчонок. В половине десятого обе машины, полные народа и сопровождение отъехали в Борисовоглебово.

После службы, ханша в ГАЗ 51 и большинство дружинников отбыли в Маргелово, а вот семеро курсантов и двадцать девчонок пошли на торг, где купили для последних, по их выбору, кое какую, приличествующую им одежду. Шестеро новых служанок, получивших деньги от женатиков, сами покупали себе обновки. Пошастали по рынку, поспрашивали цены. Заметно подорожали продукты питания, порой в 2-3 раза. Сказывалось разорение, нанесённое монголами. Тем не менее, рынок разрастался. Не взирая на военные действия в Суздальском княжестве, товаров навезли много, в основном из соседних Черниговского и Смоленского княжеств, ещё не тронутых монголами. По слухам, в Булгарском ханстве разгоралось восстание против монголов, о чём доносили прибывшие оттуда купцы. Это известие встревожило нас. Вполне вероятно ожидалась переброска части войск монголов из под Владимира в Булгар.

А кратчайший путь туда лежал по Оке через Рязанское княжество. Как ещё поведут себя монголы? Не кинутся ли по пути грабить едва оправившиеся от нашествия города и сёла? Будет ли хан Бату соблюдать свои обязательства? Надо что то предпринимать. Вернувшись около 16 часов в Маргелово, мы все собрались в нашей казарме, пригласив Микиша с Архимом. Рассказали Судейкину о сложившейся ситуации. После недолгих дебатов приняли очень непростое решение. Под видом встречи для сопровождения войск в сторону Булгара и, якобы обеспечения их безопасности в пути следования до границы Рязанского княжества с Булгарией, должны выехать Судейкин и его жена Юмагас, будто бы в целях развлечения и встречи с родственниками и знакомыми, своими и своих фрейлин. В качестве усиления с ними следует БРДМ.

Поедут также ГАЗ 51 с Юмагас и её багажом и служанками, переводчик, а также ЗИЛ 131 с десятком эрзя. С ними также поедут десяток дружинников для представительства. Водителями в автомашинах поедут две незамужние девушки эрзя, а в БРДМе, в составе экипажа за командира машины поедет Иманкулов. Поеду и я, как парламентар с золотой пайцзой. Наши кони будут скакать с дружинниками в поводу, а мы поедем в машинах пассажирами. Выезжать решили немедленно завтра с утра. Ужин и урок монгольского провели, как обычно. Я пошёл к девчонкам в палатку, убеждая себя, что только попрощаться, но вышло на два часа. Вернулся в казарму, хотелось выспаться как следует, перед дальней дорогой.

Понедельник. 8 февраля. Около 9 часов утра начали формировать колонну для движения в Коломну. Первыми экипировали и сразу отправили 10 дружинников с десятником и с нашими конями дополнительно. Расстояние до Коломны составляло около 80 км и планировалось сделать где то ночёвку, поэтому с собой взяли пять 6-ти местных палаток. Народ толпился у Переяславских ворот перед караульной палаткой.

Дружинники попрощались первыми с сослуживцами. Ни у кого из них не было жён и близких, которые погибли во время захвата Переяславля. А вот эрзя было с кем прощаться. На этот раз с нами ехали не молодые парни , а взрослые мужики во главе с Валдаем в кузове ЗИЛ 131, в количестве 11 человек, вооружённые карабинами и пулемётом. Задержались из за Юмагас, которая очень долго собиралась. Наконец дождались , когда она в сопровождении двух фрейлин, переводчика и пяти служанок были усажены в кузов ГАЗ 51 с разожжённой печкой. Выехали уже почти в 11 часов.

Судейкин сидел в кабине ЗИЛа, а я в кабине ГАЗ 51. Впереди проехал БРДМ с Иманкуловым, протаптывая нам дорогу. Проехали мимо Борисовоглебово и ещё через пару км обогнали наших дружинников, которые посторонились, давая нам дорогу. Примерно на середине дороги , уже к 14 часам, достигли маленького городишка

Белоомут, к нашему счастью не сожжёного монголами в декабре, а только ограбившим его посадки. Там всё ещё шли восстановительные работы. В этом месте, по уговору, мы оставили пятерых эрзя с палатками, чтобы разбить лагерь для следующих за нами

дружинников. Я и Иманкулов , оставив ЗИЛ 131 и БРДМ с экипажами готовить пищу и обедать там же, пересели в ГАЗ 51 и проехали в городок через ворота и проследовали к детинцу и расположенному там же терему тысяцкого. Городок едва ли насчитывал более восьми сотен жителей, многие из которых выбежали из своих домов поглядеть на чудо технику. Машина подъехала к самому терему тысяцкого и встала, заглушив мотор. Я и Иманкулов выбрались из кузова и пошли к дверям.

Следом за нами из машины вылезли пятеро эрзя с карабинами и окружили машину. Из терема вышел тысяцкий с двумя гриднями. На лице его был написан страх и нерешительность. Мужик был лет под пятьдесят, одет в обычную одежду, с накинутой на плечи шубой из меха неизвестного зверя. По нашему решительному виду он сразу догадался, что мы имеем право входить в любые кабинеты, поэтому он угодливо поклонился и осведомился:

– Чего изволите ? Я подошёл ближе и спросил у него:

– Как зовут тебя, милейший? Тот ответил не задумываясь:

– Я местный тысяцкий Горислав Мефодьевич, боярин князя коломенского Романа Игоревича.

– Увы, боярин, нет уже в живых Романа Игоревича. А вместо него там сидит боярин рязанский Куфа.

– Знамо мне сие – отвечал Горислав, – Да вот всё не могу забыть.

– Ну ладно, боярин, принимай гостей. Княгина монгольская Юмагас с мужем, председателем « Совета десяти» , пожаловали к тебе, проездом в Коломну.

Горислав, как будто его кипятком ошпарили, взметнулся, крикнул одному из гридней – Жену зови, встречать высоких гостей! –

Гридень сгинул в дверях, а Горислав сбежал с крыльца и наклонился, ожидая гостей. Тут Судейкин открыл свою дверь и вышел на землю, обошёл машину и подал руку Юмагас, стоящей в кузове. Один из эрзя подал изнутри лестницу, по которой Юмагас спустилась вниз и поддерживаемая мужем, направилась к терему. Тысяцкий кланялся и повторял раз за разом – Добро пожаловать! Гридень тоже соскочил с крыльца и поклонился.

На колени! – Крикнул я ему и тот подчинился. Не дойдя до дверей, их опередил тысяцкий и распахнул их, держа за створку. А из дверей уже выходила, видимо, жена тысяцкого, держа на руках каравай хлеба, непонятно откуда взявшегося. Может быть у них он всегда наготове? Низко кланяясь, жена тысяцкого протянула хлеб Судейкину с Юмагас. Судейкин отломил кусочек, макнул в соль и откусил немного, а остаток протянул Юмагас и та съела его. Супруги пригласили нас внутрь и проаели в горницу. Мы с Иманкуловым, Судейкин с женой сели за стол. Тут же слуги начали нести блюда с разной едой и ставить их на стол. Тысяцкий угощал, указывая на разные блюда. Мы положили себе кое чего и начали есть. Судейкин предложил хозяевам тоже сесть с нами. Они сели и Горислав велел слуге налить нам и себе вина в чарки. Затем поднялся и сказал – За здоровье княгини! Мы выпили и опять налегли на еду.

С тысяцким и его женой произошла ничем не привлекательная и бессодержательная беседа, носившая дипломатический характер. Судейкин в конце беседы сообщил, что мы едем навстречу монгольскому войску, которое возвращается из похода и будем его сопровождать до границы с диким полем. Мы придержим монголов от нападения, но тысяцкому желательно приготовить мешков 20 овса для лошадей и напечь хлеба, хотя бы 500 караваев. К какому времени ему их приготовить, сообщит гонец.

На этом мы поблагодарили хозяина с хозяйкой и отбыли дальше. Последние 40 км проехали за полтора часа и прибыли в Коломну около 18 часов. Уже темнело, когда мы подъехали к тому, что было раньше городом. Сейчас это был небольшой посёлок из примерно пяти десятков уцелевших домов и множества полужемлянок в окружении слабенькой деревянной стены, которую можно было опрокинуть руками, если слегка напрячься. Тем не менее город имел ворота, которые были закрыты перед нами.

Я вышел из машины и подойдя к воротам, крикнул стоявшим на надворотной арке сторожам: – Открывайте, свои приехали! – Между прочим, я был в кольчуге и каске с приделанной к ней бармицей, а сверху в медвежьей шубе. Стража в ответ крикнула:

– А вы кто будете? – Я ответил, что мы приехали по поручению «Совета десяти» к боярину Куфе, с целью, которую мы сообщим только ему лично. С нами едет знатная монгольская княгиня. Стража отвечала, что уже послан гонец к боярину и нам следует подождать. Ничего не поделаешь, мы стали ждать. Примерно через полчаса на стене появился сам Куфа. Он всмотрелся в нас и особо в боевые машины.

Крикнул: – Сейчас мы вас пустим! – и скрылся. Заскрипели отворяемые ворота и Куфа вышел наружу. С ним шли несколько воинов. Куфа поклонился мне и спросил:

– С какой целью вы прибыли?

Я отвечал, что скажем позже, а сейчас нас необходимо приютить, накормить предоставить ночлег, притом, что с нами следует монгольская княгиня. Куфа засуетился и пригласил нас внутрь города. Я предложил ему проехать в ЗИЛе и он согласился. Пропустили ЗИЛ с Куфой вперёд и поехали следом по тёмному городу.

Повсюду встречались пустыри с обугленными остатками домов. Работы тут ещё хватит на несколько месяцев. Мы подъехали к недавно отстроенному большому дому, в котором видимо располагался сам Куфа с помощниками. Куфа пригласил всех заходить внутрь. Оставив в машинах дежурных мы вошли в дом. При свете свечей Куфа разглядел наконец Судейкина и его жену, а также нас с Иманкуловым. С нами вошли солдаты эрзя с десятником Валдаем. В доме стало тесно. Куфа глубоко поклонился Юмагас и отдельно Судейкину и пригласил в горницу, где мы сели за стол. Эрзя были уведены на кухню, где их собирались кормить. Куфа распорядился подавать на стол, а сам сел напротив Судейкина и стал спрашивать про здоровье княгини и Судейкина.

Жаловался на проблемы с нехваткой рабочих рук и стройматериалов. В это время на стол накрыли и мы все выпили за здоровье всё той же Юмагас. Мы конечно выпили и принялись за пищу. Разносолов не было, с продуктами была напряжёнка. Судейкин поведал Куфе, что он ожидает здесь подхода части армии монголов, следующих на подавление мятежа в Булгарию. Куфа взволновался.

– Это что же ?– спросил он. – Все мои работы по восстановлению города напрасны? –

– Нет –ответил Судейкин. –Мы именно с целью недопущения грабежей прибыли сюда. Встретим монголов и сопроводим до границы.

Куфа воспрянул духом и предложил тост за наше здоровье. Мы выпили и продолжали закусывать. Куфа смущённо заметил, что ему совершенно некуда разместить таких высоких гостей. Судейкин попросил его не беспокоиться. Им с Юмагас подойдёт любая комната с кроватью. А остальные будут ночевать в машинах, кроме служанок и курсантов.

– Ну это мы как –нибудь организуем- обещал Куфа. Далее мы ещё целый час вели беседы на разные темы, а потом разошлись по предложенным комнатам.

Проводы монголов

Пятница. 12 февраля. Три дня мы провели в Коломне ожидая подхода монголов. Делать было абсолютно нечего. Куфа показал нам город . Рассказал , как он видит будущую планировку. Даже познакомил с доморощенным архитектором, который руководил строительными работами. Каждый день, не обращая внимания на морозы, бригады рабочих валили лес, возили брёвна в город. Другие обтёсывали их и ставили избы. Весной начнём строительство церкви из камня, а пока пользуемся обычной избой. Окружающие деревни отстраиваются силами жителей. К счастью монголы не заходили далеко в леса и обходились грабежом ближних деревень. Однако Куфа очень боялся возвращения монголов. Город вообще не готов к осаде. Судейкин велел Куфе напрячь силы и изыскать хоть откуда 20-30 мешков овса и скольконибудь сена для лошадей монголов и напечь как можно больше хлеба. Куфа понимал всю тяжесть своего положения и старался изо всех сил. Около 14 часов дня в город прискакал взмыленный гонец с известием, что к городу движется армия монголов.

Поднялся переполох. Во все близлежащие деревени направили посыльных с сообщениями о монголах и о необходимости прятаться в лесах, если есть такая возможность. Мы же немедленно снарядились ехать навстречу. Через час мы отъехали из города и ещё через час встретили разъезд монголов. Сотня конных, не спеша, трусили по дороге на Коломну. Увидев встречную колонну машин, разъезд остановился. Я вылез из машины, позвал переводчика и подойдя к дружинникам, мы сели на коней и поскакали к разъезду, причём у меня в руках был белый флаг на длинном древке.

Монголы ждали, не двигаясь. Мы с переводчиком подскакали к сотнику и я показал тому золотую пайцу. Одновременно переводчик объявил, что мы хотим видеть командующего этим корпусом. Сотник с почтением поклонился мне и приказал одному десятнику проводить нас к войску. Десяток воинов поскакали вперёд, а мы за ними. Сотня же продолжила движение, обходя наш отряд. Машины тронулись за нами. Через 3-4 километра показалась длинная колонна, конец которой терялся вдаль. Такая же колонна двигалась параллельно по замёрзшей реке. Я догадался, что если бы войско монголов продвигалось лишь по одной дороге, то даже всего один тумен растянулся на 15 -20 км. Десяток продолжал скакать, оглядя колонну.

Но машинам пришлось прижаться к самому краю дороги, чтобы пропустить войско. Монголы с интересом глядели на машины, но не останавливаясь проезжали мимо. Я с переводчиком и сопровождающими нас дружинниками проезжали навстречу движущемуся войску не меньше двух километров, прежде чем достигли его середины.

Я узнал железную повозку Субудай багатура, со стоящей на ней юртой, влекомую восемью верблюдами. Впереди повозки, позади и с боков скакали тургауды в блестящих панцирях. Десятник поскакал рядом с одним из них, видимо старшим и что то ему сказал. Тургауд немного отстал и сравнившись с повозкой, крикнул сидящему на повозке перед юртой воину несколько слов. Тот вошёл в юрту и через какое то время, выйдя оттуда, видимо принёс ответ. Тургауд сделал мне знак, показывающий на юрту.

Я понял, что меня приглашают. Однако повозка не останавливалась и я, поравнявшись с ней, вынул ноги из стремян, и встав на седло, перепрыгнул на повозку. Эту же операцию проделал, но с большим трудом, переводчик. наших коней подхватили тургауды и повели их в поводу, а мы вошли в юрту. На ковре сидели трое. Субудай я узнал сразу, а других увидел впервые. Я слегка кивнул головой, поздоровался и представился, как член «Совета десяти». Троица сидящих смотрела на меня без выражения. Субудай багатур поздоровался за всех, потом предложил сесть с ними, что я и сделал, поскольку стоять в двигающейся повозке было неудобно, она то кренилась, то подсакивала на кочках. Субудай спросил о цели моего визита. Я отвечал, что узнав о приближении монгольского войска, бывшая жена Батыя – Юмагас, изъявила желание встретиться со своими знакомыми, а мы приехали в качестве сопровождающих её.

К тому же, мы бы хотели проводить войско через территорию княжества для устранения возможности нападения на монголов каких-либо бандитских отрядов. А ещё мы могли бы посодействовать в снабжении армии продуктами питания со стороны попадающих на пути населённых пунктов. Субудей поглядел на меня с затаённой улыбкой и отвечал:

– Я рад, что «Совет десяти» беспокоится о нашей безопасности и особо рад, что встречаюсь с Юмагас хатун. Это тем более радостная весть для брата Бату хана Орду – вот он сидит и указал на полного мужчину лет 35. А вот это темник Бурундай представил он третьего. Сейчас

я не могу принять нашу высокую гостью Юмагас, пока мы не встанем на привал возле города Коломны. Так что передай ей об этом.

Я дополнил: – Надеюсь, что великий Субудей не станет разорять уже достаточно пострадавший город Коломну? Мы ведь будем придерживаться условий договора между Бату ханом и «Советом десяти» ?

Здесь Субудей покрутил недовольно головой и ответил: – Конечно мы будем придерживаться условий. Если ты хочешь, то можешь оставаться с нами до момента остановки – предложил Субудей.

– Нет, спасибо !– ответил я. -Мне надо доложить об этом разговоре Юмагас и успокоить жителей Коломны, которые боятся нападения.-

Субудей кивнул и я с переводчиком вышли из юрты. Скакавший рядом тургауд подвёл моего коня и я перескочил на него. То же проделал и переводчик. Затем я помахал десятнику Валдаю, чтобы он следовал за нами и поскакал к Коломне, обгоняя колонну. Мы поравнялись со стоящими на обочине дороги нашими машинами и остановились. К сожалению колонна монголов, обтекающая нас и вновь выравнивающаяся в дальнейшем, не позволяла нам её обогнать и мы не знали что предпринять. Приходилось ожидать , пока пройдёт вся колонна или воспользовавшись прорехой , влиться в неё и следовать с ней. Мы приняли другое решение – съехать на лёд реки, ширина которой позволяла обогнать марширующую по ней вторую колонну, что мы и сделали. Машины помчались вперёд, а дружинники поскакали сзади быстрым галопом. Пока я разговаривал с Субудаем, колонны продвинулись далеко вперёд и нам пришлось мчаться более полчаса, чтобы вырваться на простор.

Там мы несколько сбавили скорость и ехали до самого города. Заметили, что разъезды монголов остановились несколько дальше от Коломны в сторону Рязани , мы подъехали к месту остановки и тоже встали. Монголы начали размечать места для стоянки войска, а мы въехали на берег и остановились в паре сотен метров подальше, прямо у кромки леса. Вытащив одну палатку для Юмагас, мы начали её устанавливать , а ЗИЛ 131 послали в Коломну за обещанными мешками с овсом и хлебом. Велели привезти и воеводу Куфу. Через полчаса начали подъезжать передовые отряды. Они занимали указанные им юртайчи места, разводили там костры и начали готовить пищу.

Через час подъехал ЗИЛ с Куфой и продуктами. Монголы с любопытством взирали на самодвижущуюся повозку, но страха не показывали, хотя наверняка были наслышаны о её возможностях. Наконец подоспела и повозка с Субудаем. Воины, помогая верблюдам, отвезли повозку примерно в середину лагеря и оставили её там. Верблюдов освободили и привязали к колышкам. Перед ними набросали вязанки сена. Отряды продолжали прибывать и занимать места. Вокруг повозки Субудея быстро выставили охрану из двух десятков тургаудов. К повозке из лагеря направились несколько человек в богатых одеждах, скорее всего военачальники и лица, отвечающие за порядок в лагере. К повозке приставили ступеньки и в шатёр можно было входить без акробатических трюков. Наконец мы решили, что пора выводить на сцену главные действующие лица. Судейкин взял под руку Юмагас и зашагал к шатру.

Следом пошли я, Куфа и Иманкулов с переводчиком. Мы беспрепятственно подошли к шатру и остановились перед ним.Тургауды стоявшие в карауле , видимо узнали Юмагас и поклонились ей. Никто из них не посмел препятствовать нам и мы вслед за Юмагас вошли в

юрту. В ней сидели на коврах с десятков людей. Присутствующие сначала с интересом оглядели вошедшую Юмагас, а потом, узнав её, встали и согнулись в поклоне. Со всех сторон раздались приветственные возгласы. Ни один человек, кроме погибшего Кюлькана, не знал о том, что Батый передал свою жену Судейкину. К Юмагас подошёл хан Орду – старший брат Батыя и поприветствовав её, предложил ей перейти в свой шатёр, где располагались его собственные жёны.

Юмагас согласилась и они ушли. Субедей обратил своё внимание на нас. Вперёд выступил Куфа и низко поклонившись доложил, что он привёз для войска двадцать мешков овса и 800 караваев свежее испечённого хлеба, которые монголы могут забрать прямо сейчас. Субудай похвалил Куфу за расторопность и поблагодарил за подарок. Кликнул одного из слуг и что то ему приказал. А Куфе велел идти с этим слугой и показать тому где нужно забрать продукты. Куфа вышел за слугой, а нас Субудей пригласил садиться. Тут же подбежали слуги и поставили перед нами блюдо с жареным мясом, поднесли пиалы с кумысом. В кругу присутствующих наступила пауза, никто не знал о чём можно говорить в присутствии гостей. Субедей осведомился о здоровье ханши Борагчин и Сартака. Судейкин ответил, что у них всё хорошо.

Я заметил, что он раздосадован тем, что Субудей так долго заставил нас стоять. Беседа продолжилась и мы сидели битый час, жуя конину и попивая кумыс. Наконец Судейкин встал и поблагодарив Субудея за гостеприимство, сообщил, что нам следует идти, чтобы проверить насколько удобно разместились наши воины. Кстати, если Юмагас сообразовит, то для неё установлена палатка в нашем лагере. С этим мы ушли к себе. Пробираясь мимо шатров мы заметили, что большая толпа монголов стоит около наших машин разглядывая их, трогая и громко переговариваясь между собой.

Почти все наши сидят внутри и не показываются, видимо боясь нападения. Мы попросили переводчика найти старшего из монголов и попросить того, чтобы воины отошли подальше. Через несколько минут переводчик привёл какого то монгола, одетого лучше остальных. Я показал тому золотую пайцзу, при виде которой тот смиренно поклонился и спросил, что мы хотим. Я велел переводчику объяснить тому наши требования. Монгол громко крича, вынул из сапога нагайку и начал разгонять толпу. Те, с неохотой, разошлись.

Судейкин спросил дружинников: – Что тут случилось ?

Оказывается монголы, приведённые Куфой сгрузили с ЗИЛа мешки с овсом и хлеб, который прямо тут был разодран на куски и сожран или спрятан за пазуху подбежавшими, которых набралось несколько сотен. Сожрав хлеб и забрав овёс, который куда-то унесли, монголы не разошлись, а начали приставать к дружинникам и эрзянам, тем более они заметили двух девушек. Никто монголам не препятствовал и дружинники и эрзя вынуждены были забраться в машины, чтобы не создавать конфликта. Так что, всё время, пока мы находились у Субудея, они сидели в машинах вместе с Куфой. Судейкин велел Куфе и Иманкулову садиться в БРДМ и ехать в Коломну, чтобы оставить там Куфу и тут же возвращаться обратно.

Мы были рады, что лагерь монголов расположен в нескольких километрах от Коломны, видимо такое распоряжение отдал Субедей. Ведь если бы войско расположилось рядом с городом, то нам бы очень трудно было бы сдерживать эту толпу от мародёрства. Дружинники вылезли из машин и начали разводить костёр, чтобы приготовить ужин, так как им до сих не удалось этого сделать. Поставили на огонь котёл и бросили туда мясо и крупу. Примерно через час вернулся БРДМ. Еще через час наши бойцы смогли поужинать. Спать все легли в машинах и

только Судейкин спал в палатке поджидая Юмагас, но она не пришла. Она осталась ночевать у жён хана Орду.

Вторник. 16 февраля. Четыре дня мы сопровождаем корпус монголов, состоящий из двух туменов, под командой хана Орду и темников Субудея и Бурундая. Как я заметил, в двух туменах вместо 20 тысяч воинов едва ли наберётся 12 тысяч. Всё таки поход на

Русь дорого обошёлся монголам. Если и остальные тумены пострадали так же, то не удивительно, что уже в апреле им пришлось поворачивать назад. Сегодня вечером мы достигли Рязани и лагерь стоит на том месте, где мы пленили Бату хана. Князь Ингвар уже отметился у Субудая. Я никак не могу запомнить, как его правильно называть, то ли Субедей, то ли Субудай, а спросить у него неудобно. Надо справиться у Юмагас. Мы прошли мимо Борисовоглебово и Переяславля, где к Субудая на встречу приезжала Боракин и он убедился, что она жива и здорова. Мы предлагали Боракин, если она хочет, то может следовать с Субудаем, но она отказалась. В пути следования ,

мы были уверены, что нашими стараниями удалось уберечь попадавшие на пути населённые пункты от повторного разграбления и уничтожения.

И хотя пришлось снабжать войско продуктами, то это не самая большая цена за сохранение жизни многих тысяч людей. Нам пришлось несколько раз беседовать с ханом Орду и Субудаем. В эти непростые годы, когда человеческая жизнь ничего не стоила, вполне понятна была практика ограбления слабых более сильными. К этому все были привычны, тем более, что свои князья поступали в междоусобных войнах ничуть не лучше. Очень тяжело будет изменять общественное мнение. Удастся ли ?

Между прочим очень интересна была позиция хана Орду, который вскоре станет правителем улуса Орда-Эжен, восточной части улуса Джучи, номинально зависимого от Батыя, которое расположится в восточной части Казахстана, включая восточное побережье Арала и до Иртыша, примерно занимая будущую Курганскую область и Ханты-Мансийский АО. Он в частности интересовался у нас, почему русские настолько упорно сопротивляются монголам, часто жертвуя своими жизнями в бессмысленном упрямстве? Ведь в любом случае им придётся отдавать оговорённую монголами дань в размере одной десятой части от всего имеющегося, будь то люди, скот или богатства? Вся Азия уже покорила монголам и платит дань, зато живёт в относительном мире и спокойствии. Трудно было ответить на этот вопрос.

В самом деле Русь покорила Батю и платила дань в течении почти 200 лет и считалась уделом Золотой орды, вплоть до 17 века, когда сам Иван Грозный был вынужден царствовать именем формального царя Симеона. Но кто поймёт таинственную русскую душу, предпочитающую власть собственных диктаторов, пусть даже умеренным, но чуждым иностранным демократам? Мы объяснили хану Орду, что это обусловлено национальным патриотизмом. Вряд ли хан понял наши объяснения.

Среда. 17 февраля. Примерно в 9 часов утра последний отряд монголов покинул Рязань и мы даже не помахали им ручкой. Все вздохнули наконец. Одну беду удалось отвести. Насколько мне известно, монголы в апреле будут уходить через территорию восточной части Черниговского княжества, где им будут противостоять города Козельск, Елец и другие. Около 10 часов утра Рязань отворила ворота и из города стали

выходить убежавшие из окрестных деревень люди, опасавшиеся нового разорения.

Некоторые ехали на санях, кто то пешком. Гнали перед собой скотину, тащили узлы с барахлом. Слава Богу, дома их оказались целы и никто не пострадал. К нам прибыл гонец от князя с просьбой посетить его в городе. Мы въехали в город уже в 11 часов. Напряжение последних дней спало и организм начал отходить от постоянного страха перед неожиданным нападением, заставлявших нас постоянно быть начеку и практически не спать, дежуря в машинах и не выпуская оружия из рук. Князь встретил нас в воротах кремля с группой своих бояр и военачальников. Мы прошли в зал приёмов, где расположились за столом. Юмагас пригласили сесть по левую руку от княгини. Переводчик стоял между ними и переводил их беседу в течении почти двух часов пока мы пиршествовали, отмечая уход монголов.

Юмагас была весела, она как бы побывала в отпуске, повидавшись со своими близкими, в привычном окружении равных себе персон и раболепном преклонении подчинённых. Отдельно мы поговорили с князем насчёт выделения нам новых волонтёров из числа обычных граждан, желательно мещанского сословия и детей мастеровых людей. Как раз князь уже подготовил новую партию волонтёров из 40 человек, как раз оговорённого статуса. Они последуют за нами сегодня же. Мы не стали задерживаться в Рязани, единственно повидав Паруша, который навестил наш лагерь на берегу Оки, где получил новые батареи к рации взамен севших. Ему также выдали три гривны для дальнейшего проживания и поддержания связи с Маргелово.

Мы также подумывали о создании резидентуры в Рязани с целью наблюдения за действиями князя и узнавании его замыслов. Для этого необходимо было подкупить кого-нибудь из его окружения, но посчитали это пока преждевременным, хотя и поручили Парушу поработать в этом направлении и даже дали ему дополнительно 10 золотых динаров, для подкупа княжеских окруженцев. Около 15 часов мы выехали на машинах в Маргелово, предоставив дружинникам и волонтёрам добираться своим ходом. Через три часа мы были уже дома. Нас встречала толпа жителей, а с ними соскучившиеся наложницы. Машины были поставлены в боксы и мы разошлись по домам, чтобы привести себя в порядок. До казармы меня проводили девчонки, виснувшие на мне и непрерывно целуя в различные районы лица.

У входа в казарму я освободился от них, пообещав ночевать сегодня в палатке. Иманкулов и Судейкин ушли к себе, а в казарме находился один лишь Марченко, вынужденный маяться здесь в качестве сторожа. Я разделся, принял душ, надел чистую форму и мы пошли на ужин. После ужина Судейкин разрешил не проводить урок монгольского и отпустил всех отдыхать. Я пошёл в палатку. Каким бы уставшим я не был после такого путешествия, но рассказывать девчонкам про него я начал только через полтора часа. А до этого мы кувыркались на постели до изнеможения.

Я сильно соскучился по своим подругам и надеялся, что и они тоже, хотя отдавал себе отчёт, что принудительная любовь вызывает разве что привыкание, которое при перемене хозяина быстро проходит. Не могут же они уверовать в то, что я когда-нибудь женюсь на них? На Руси того времени в законе значилось, что женившийся на холопке, холопом же и становится. Мы как раз и хотели поломать эту систему, запретить рабство окончательно и бесповоротно.

Часть 2.

Мы размещаем и организуем волонтёров.

Четверг. 18 февраля. Я проснулся отдохнувшим и полным сил, хотя спать пришлось не более 6 часов. Я чувствовал себя абсолютно довольным и даже, можно сказать, счастливым, что со мной случилось впервые с момента попадания в этот век. Наверное, я примирился с мыслью,

что это теперь мой век, моя жизнь и прошлого не воротить, тем, более, что жизнь эта хороша и даже гораздо лучше прошлой. После завтрака пошли в казарму, чтобы не мешать никому в столовой. За время нашего отсутствия дружинники переселились в новое здание казармы, но на первом этаже ещё оставались вещи тех двух десятков дружинников, которые должны прибыть сегодня. Мы поднялись к нам и уселись за столы. Винокуров начал отчитываться за прошедшую без нас неделю. Продолжались работы по вырубке леса. Всё так же, по полгектара в день

Вырубка велась полосой в 100 метров по периметру поля вокруг Маргелово и предполагала получить дополнительно 32 га пашни к посевной кампании, если темп вырубки сохранится прежним или не помешают другие обстоятельства. Кузнецы с помощью сварки иковки сумели изготовить 2 плуга с четырьмя лемехами, а также 2 широкозахватных бороны. Так что для вспашки поля мы уже были готовы. На лесоповале начали изготавливать брёвна длиной 5 метров и доски той же длины, толщиной полтора сантиметра. Из Борисово-Глебова сообщали, что удалось сколотить две артели строителей по 10 человек для нас. Их можно забирать в любое время.

Судейкин велел тут же послать ЗИЛ, чтобы их привезти к нам. Микиш тут же ушёл, чтобы распорядиться на этот счёт. С приездом строителей следовало освободить склад продовольствия и НЗ и перенести остатки продуктов в склад амуниции. Ответственными назначаются завскладами –Иманкулов и Зотов. Я тут же напомнил о необходимости поиска в мусоре, оставшемся после уборки предметов складирования, семян, особенно тыквы и кукурузы. Разместить строителей придётся в палатках.

Чтобы было комфортнее, поселим по 5 человек в 6-тиместную палатку по улице Борисоглебской. Из Рязани Паруш передал, что недавно был взят и уничтожен стольный город Владимир. Всё население истреблено. Сам князь Георгий отсутствовал поскольку отправился куда-то на север собирать армию против Батыя. Сбежал из города наш ставленник князь Ярослав, отец Александра Невского. Он находился в Киеве, а Александр в Новгороде. Мы с Иманкуловым взяли четверых молодых эрзя, попавших к нам по распределению, для практического ознакомления с техникой.

Нам надлежало привести в порядок машины, участвовавшие в походе по сопровождению монголов в Булгар. Это были недавно женившиеся парни по имени Арзамас, Михей, Обран и Викай. Я, с Арзамасом и Викаем, занялись БРДМ, а Иманкулов с двумя другими ГАЗ 51. ЗИЛ 131 поехал в Борисово-Глебово за строителями. Мы загнали БРДМ в рембокс и под моим руководством начали осматривать ходовую часть и смазывать подшипники колёс. Занимались этим до половины второго и пошли готовиться к обеду. В это время, как раз, в Маргелово въехали дружинники во главе с Валдаем и с ними 40 парней волонтеров.

Расселением волонтеров занялись Мякиш и Архип, а мы пошли на обед. В это же время приехал ЗИЛ, привезя 20 строителей с инструментом. Ими занялся опять Микиш. Едва мы пообедали, в столовую привели волонтеров и строителей. Мы же отправились на совещание. Судейкин предложил завтра с утра познакомиться со всеми волонтерами, а сегодня, как только пообедают строители, показать им фронт работ. Этим займутся Коверда и Теплов. Выдавать форму повременим, учитывая скандал с первыми волонтерами. Кто знает, как поведут себя новобранцы? На этом разошлись. Я и Иманкулов к своим машинам, а к ЗИЛ 131 Забуиров с двумя другими эрзя. До ужина занимались профилактикой машин. Эрзя помогали чем могли. По ходу я объяснял им устройство БРДМ. Закончить не успели и оставили работу на завтра. Ужин проводили в двух столовых. 20 артельщиков прикрепили к столовой для крестьян. Туда же записали и наших наложниц. А дружинников и волонтеров, вместе с нами, прописали в нашей столовой. Было заметно, что столовые заполнены почти полностью. Ещё по двадцать человек можно втиснуть, но пора строить, ещё одну, как минимум. Поэтому это направление посчитали главным. После ужина решали, где поставить новую столовую и какого размера она

будет. После обсуждения стало ясно, что строительство столовой на 300 человек затянется на месяцы, но это необходимо.

Её начнём строить с теплом, а пока создадим временную на двести человек. Ставить без фундамента, но пол класть на первый слой брёвен, чтобы частично отгородиться от холодной земли. Размер возьмём из длины брёвен 9м. По расчетам выходило, что здание должно иметь размеры 36 x 9 м. Чтобы упростить строительство, решили построить здание в форма креста, по 9 метров каждое ответвление, в результате чего в середине появится дополнительное помещение 9х9м. К зданию необходимо сразу ставить стационарную кухню. А поставим её снаружи тына, прямо на выходе в восточную сторону. Разошлись по домам. Я пошёл в палатку и предался там разврату, как и другие четыре курсанта по соседству. Двое дежурили в казарме.

Пятница. 19 февраля. После завтрака я, Иманкулов и Марченко со своими помощниками пошли проводить профилактику машин. Коверда и Теплов отправились показывать строителям фронт работ. Судейкин с остальными проводил знакомство с волонтерами. Их всех вызвали к нам в казарму на второй этаж, чтобы не мешать дружинникам переезжать в новую казарму. Как это уже стало привычным, волонтеры пялились на портреты членов политбюро, рассматривали непривычные элементы интерьера комнаты. Судейкин с оставшимися курсантами подзывал волонтеров по очереди к своему столу и те стоя докладывали о себе в виде короткой биографии. Семёнов взялся записывать данные в тетрадь. Среди волонтеров пятеро были детьми дружинников, 11 – дети мастеровых, двое из купцов и двое из дворни князя. Пятеро были грамотными.

Судейкин: – Парни, мы создаём новый вид войска по европейскому образцу. Вы будете первыми его воинами. Мы вас научим такому искусству, против которого не сможет устоять ни одна армия в мире, включая и монголов. Притом нас будет всего одна тысяча человек. Этого будет вполне достаточно, чтобы разгромить в сто раз более многочисленного противника. Вы научитесь владеть совершенно новыми видами оружия, которого нет ни у кого и не появятся ещё сто лет. Но придётся учиться умению с ним обращаться, а ещё и дисциплине, когда вы будете обязаны выполнить любое приказание командира. В будущем, права быть зачисленным в эту тысячу, будут добиваться князья и бояре, но попасть в этот отряд мы позволим только детям и близким знакомым уже служивших здесь ветеранов. Вас будут кормить, одевать и даже платить за учёбу. Занятия начнутся с марта, а до этого, возможно и во время учёбы, вас могут заставить выполнять работы, необходимые для выживания нашего посёлка. Эти работы могут вам показаться несовместимыми с вашим общественным положением. Поэтому я вас заранее предупреждаю об этом. Кому не нравятся наши условия, завтра же может уезжать домой. -

Один из волонтеров заявил: – Нас предупредили об этом ещё в Рязани, и мы согласились на это. А про оружие мы кое-что слышали и нам очень интересно поддержать его в руках. Судейкин одобрительно кивнул и позволил волонтерам разойтись. В это время Коверда пригнав один бульдозер начал расчищать площадку для новой столовой. Теплов и бригадиры артелей с помощью рулетки намечали план будущего строения. Двое дружинников, учили двоих работяг науке работы на козловом кране и загружали в ЗИЛ 131 брёвна, чтобы подвезти их к месту стройки. Этот козловой кран был вторым и являлся близнецом первого крана, который работал на новом складе пиломатериалов. После подвоза необходимого количества брёвен, кран перегонят к стройке. Я со своими людьми закончили профилактику БРДМ и пошли мыть руки. Мне надлежало зайти к Боракин, чтобы провести очередной урок русской азбуки. Уже после обеда опять накопились вопросы.

Поступило предложение строить крестообразную столовую в два этажа, чтобы использовать второй этаж под аудитории. В самом деле, про аудитории не подумали, поэтому решили строить сразу два этажа. Сразу убьём двух зайцев. Но время поджидает. Успеем ли к марту? Проблема с унитазами – а что, если пригласить горшечника? Сможет ли он создать унитаз? Надо попробовать. Я где-то читал, что в древнем Вавилоне была канализация и водопровод.

Кстати, водопровод был и в древнем Риме и древней Греции. Как всё-таки деградировало человечество с принятием христианства! Надеюсь, что нам удастся придать толчок развитию цивилизации и история может пойти по другому пути. С прибытием волонтеров остро встала проблема с конюшнями. Они опять полны. Судейкин велел Микишу объявить жителям, чтобы своих коней забрали по дворам. Корм для коней кончается. Надо требовать корм у Рязани. Марченко спросил: – На какие подразделения мы разобьём наш батальон?

Судейкин сказал, что он уже давно об этом думает и предлагает следующую структуру – Наименьшая частица – десяток, так и назовём. В нём будет десять человек вместе с командиром. Командовать им будет десятник – дадим ему две лычки. Взвод будет состоять из трёх десятков, командира взвода и замкомвзвода. Командира взвода назовём прапорщиком и дадим ему одну широкую лычку, как у старшего сержанта. А замкомвзвода будет иметь три лычки и назовём его унтером. Командиром роты будет один из нас и будет называться курсантом. У него будет старшина роты, так его и назовём. Это будет должность, а не звание. Поэтому им может быть унтер. Ну а комбатом будет сержант Винокуров. А комполка станет лейтенант Судейкин.

Лейтенант только для нашего полка. Как мы назовём командиров приданных нам кавалеристов? Понятное дело – сотники, унтера и десятники. Будут ли сотники офицерами? Надо будет ещё подумать об этом, сказал Судейкин. Буду ждать предложений, а пока все свободны. Только вышел из казармы, как поступило сообщение, что из Пронска прибыли волонтеры в количестве 20 человек. Судейкин тут же призвал их к себе для разговора. Вот их уже набралось 63 человека. Эти 20 человек как раз тот максимум, который мы сможем обслужить. После ужина и урока монгольского иду ночевать в казарму с Ковердой. Наша очередь.

Воскресенье. 21 февраля. Как обычно съездили с Боракчин в церковь. Вернулись к обеду. С нами 15 человек волонтеров от Борисово-Глебово. После обеда разбор полётов. Вчера распределяли волонтеров по десяткам. Это у нас будет первая рота. С сегодняшним поступлением уже 78 человек. Сегодняшних ещё не определили. Десятниками решили ставить дружинников Архипа, по его рекомендации. Как раз вышло 7 десятков по 9 человек и 9 дружинников командиров. Разместили их в казарме вместе. Два полных взвода и один неполный. Так и называли -первый, второй и третий взвода. Командирами взводов назначили троих эрзя из числа участвовавших в сражениях. Чтобы привыкали. С завтрашнего дня будем заставлять их бегать и делать гимнастику. Вот и новое дело – нужен спортгородок. И вообще их надо чем-то занять.

Работяги на стройке работают в полную силу, уложено уже полметра стены по всему параметру креста. Один слой – 12 брёвен, надо прорубить пазы, просверлить стыки и воткнуть стержень из дуба на два бревна. А одно бревно длиной 9 м весит более 500 кг. Если бы не кран, то пупок надорвёшь очень быстро. Пока одни кладут стены, другие укладывают полы. Так что работа идёт быстро. Но есть один минус – используется одна бензопила и поэтому уменьшилось количество вырубаемых деревьев. Но, с прибытием волонтеров, вполне можно установить работу на вырубке в две смены, что мы и сделаем через пару дней. По прикидкам столовую закончим как раз к первому марта.

Вторник 23 февраля. Всё идёт по плану. Сегодня отметили вечером день СА и ВМФ в тесном кругу у нас в казарме. Как хорошо, что на первом этаже нет никого, можно было не бояться шуметь. Судейкина и Иманкулова пришлось домой нести на руках. Все остальные легли спать в казарме. Никто не был в состоянии идти до своей палатки, хотя некоторые и пытались, но их остановили.

Понедельник. 1 марта. Конечно, со стройкой не успели, но первый этаж готов и там уже расставлены столы и первый обед прошёл в торжественной атмосфере. Мы даже пригласили на открытие воеводу Борисово-Глебова. Снаружи тына, перед столовой, выстроили всех волонтеров, их было тоже ещё не комплект. Собрались и остальные жители. Судейкин сказал речь и волонтеров пустили внутрь. Воевода с десятком дружинников, и мы тоже приняли уча-

стие в застолье. Поварихами работали женщины из крестьянских семей. Им за это назначили зарплату. Воеводе понравилось, тем, более, что после обеда мы его пригласили к себе в казарму и угостили стаканом водки.

Кстати, отметили наступление нового 1238 года, по русскому календарю 6746 год. Воевода ускакал со своими дружинниками довольный, но получивший задание привезти две тонны сена и соломы, а также овса пятьсот килограмм. Мы собрались у нас и первым делом Коверда поднял вопрос об использовании нашей казармы. Что с ней делать? Как помещение очень удобное, тёплое, но для нас уже ставшая обузой.

Вроде как чемодан без ручки. Надо это здание приспособить для какой-то общепольной цели. С другой стороны, мы, имея такое здание из кирпича, с канализацией, водопроводом, отоплением, электричеством не используем его по назначению. Я, как больше всех проживший в этом здании последнее время, предложил – Это здание имеет площадь 8 x 24 и два этажа. При этом три метра пристройки занимают туалеты, душ и ванна. Почему бы нам не использовать его под жильё. Я уже рассчитал, что, если мы оставим вдоль стены коридор шириной 1 метр и на каждом этаже устроим по 4 квартиры, размером 7 x 5, иначе по 35 кв.м., что соответствует площади стандартной двухкомнатной квартиры, правда с общим туалетом, но он не один, а четыре, то будем вполне довольны.

Это многократно лучше, чем ютиться в 36-метровой, просторной, но тем не менее, палатке. Более того, мы сами сможем, не привлекая дополнительную рабочую силу, устроить эту перестройку. Все с восторгом согласились.

Только Забуиров возразил: – Господа курсанты, но кто-то один останется без квартиры.

– Все зашумели на него – Вы с Иманкуловым бросьте жребий, кому остаться в избе, а кому к нам. В избе тоже не плохо! –

На том и порешили. Стены запланировали из всё той же доски сороковки, а двери у Семёнова, всё ещё есть. Постановили начать немедленно. Тут же выгнали из бокса ЗИЛ и поехали к складу досок. Загрузили кузов и привезли к зданию. Начали таскать и складывать на месте. Двое ставили стойки из той же сороковки, отпиливали ножовкой лишнее и приколачивали к стойкам по две доски. Получалась стенка в 120 см с воздушной прослойкой. Позже подумаем, чем её заполнить. Четверо работали внизу, четверо наверху. К ужину закончили половину работы.

Вторник. 2 марта. До обеда волонтеры таскали на второй этаж столовой – учебного корпуса, столы и скамейки собственного изготовления, ставили шкафы для учебных пособий. На втором этаже было не совсем жарко, так как печки были на первом, а на второй выходили трубы с коленами, для лучшей теплоотдачи и мы рассчитывали, что тепло от кухни и печек будет греть второй этаж, что, частично, удалось. Температура была терпимая +16-17 градусов. Этим же они занимались и после обеда, а мы продолжали своё строительство, которое закончили к ужину, но без дверей в комнаты. Это отложили на завтра. Перед ужином собрались на 15 минут пообщаться. Мы всё ещё не определились с назначением командиров рот. Потянули жребий. Командирами рот стали: первой – Марченко, второй –Иманкулов, третьей –Коверда.

Среда. 3 марта. К 7 утра новоиспечённые командиры рот проследовали в расположения волонтеров и устроили подъём. Всех волонтеров выгнали на мороз в исподнем и пробежали с ними до блокпоста №1 и обратно, а потом разрешили им заправить постели и умыться. Многие волонтеры были очень недовольны, скандалили, пытались пререкаться, но командиры отделений быстро наводили порядок.

После завтрака мы попросили плотника поставить нам двери в комнаты. Восемь дверей выделил Семёнов. У него осталось их две. Плотнику выделили двух дружинников, и они занялись работой. Мы начали решать вопрос с назначением старшин рот и замкомвзводов. Судейкин хотел было переложить обязанность комбата на Винокурова, но и он и мы воспротивились. Со своими погонями сержанта Винокуров никак не тянул на эту должность, а сменить

погоны уже было бы неприлично. Он вообще стал теперь какой-то двусмысленный. Микиш и Архип тоже носили лычки сержантов и им могло показаться недостойным носить одно звание с ним при столь значительном социальном неравенстве. Теплов вообще предложил Винокурову и Судейкину сменить погоны на обычные курсантские, чтобы мы все стали равными, но они категорически отвергли это предложение.

– Может придумать нам какие-то особые звания и погоны? – засомневался Забуиров. Мы ничего не смогли придумать.

Но тут выдал идею Зотов: – Давайте создадим для офицеров погоны без просвета, как у прапорщиков. Одна звёздочка – прапорщик, две вдоль погона – подпоручик, три вдоль погона – поручик, четыре – капитан, но как обычно. А старших офицеров сделаем с одним просветом, как у Судейкина. Только пусть Судейкин сменит звёздочки на большие, майорские, этого никто не заметит. И будут погоны с одним просветом – майор, а потом лейтенант и полковник. То есть Судейкин пройдёт, как подполковник. А это уже кое-что. В армиях государств Африки, подполковник, это чуть ли не высший чин.

– Ладно, – согласился Судейкин. – Пусть будет так, а будущее расставит всё по своим местам. Короче старшинами рот назначаем Микиша, Архипа и Кежая. Кежай – это был десятник эрзя, прибывший к нам осенью прошлого года. Мы его практически не задействовали в военных целях, и он сильно переживал по этому поводу. Но вот и для него нашлась должность. Учиться будут все, даже те 25 эрзя, которые уже научились стрелять и водить машины. Повторение – мать учения, им не повредит. Заодно всех научим современной азбуке, выдав её за монгольскую, которую те ещё не ввели в обиход. Одновременно учить арифметике, так как применявшиеся цифры, обозначаемые буквами кириллицы, были сложны и крайне неудобны в использовании. Как раз этим, общеобразовательным наукам следует и учить в первую очередь. Теперь другая сторона медали – кроме нас, учить волонтёров некому. То есть вся тяжесть обучения ложится на нас. Вопрос – как будем преподавать? Каждому из нас вести какой-нибудь отдельный курс или на каждого курсанта весь объём наук и отдельный взвод?

Эту версию отвергли сразу. – Только по отдельным предметам каждому, чтобы проще было подготовляться. Наметим предметы. Стали предлагать – азбука, арифметика, физкультура, стрелковое оружие, строевая подготовка и тактика, двигатели внутреннего сгорания, авто и бронетехника, история и география, электротехника, иностранный язык (тюркский) – предложил Забуиров, как язык межплеменного общения, монгольской армии. Вот и есть 10 предметов. Теперь будем их делить.

За Зубаирова уже и так было ясно, что именно он будет учить тюркскому. Остальные 9 предметов вытягивали по жребию. Мне достались история и география. Поскольку вести конспекты волонтёрами, из-за их повальной неграмотности, не представлялось возможным, это отложили до обучения азбуки. А вот арифметику и саму азбуку нужно учить только по тетрадкам. Значит каждому придётся выдать по 2 тетрадки и карандашу. Занятия начнём с понедельника, пока не будем полностью готовы.

Учебный корпус на втором этаже столовой разделялся на две аудитории в каждом ответвлении со входом из центра, где располагалась и лестница на первый этаж. Окна применяли очень экономно. Семёнов с величайшей осторожностью нарезал по три стекла на каждую стену этажа, размером полметра на полметра, истратив 6 листов драгоценного стекла из двадцати последних. Однако опять не хватило двух аудиторий.

Решили временно приостановить обучение детей в клубе и там, как раз разместятся две аудитории. Каждая аудитория будет предметная и её необходимо обеспечить плакатами и наглядными пособиями. Каждому из нас изготовить необходимые плакаты своими силами. У нас имелось большое количество плакатов по стрелковому оружию, машинам и двигателям. Были по физике, химии и некоторым другим предметам, которые было необходимо рассмотреть и применять по необходимости. То есть работы на нас наваливалось чрезмерно. За всеми

этим проблемами засиделись до самого обеда. После обеда выяснилось, что ещё не все аудитории готовы. Поэтому волонтёры продолжили таскать столы и скамьи, а мы опять уселись заседать. Баня на всех слишком мала. Нужно строить новую. Для волонтёров назначить банные дни по очереди. С понедельника начнём учёбу, значит некому будет вести вырубку леса и соответственно складирование и распиловку брёвен. Вот это был номер! Почему-то никто об этом не вспомнил до последнего дня.

– Есть выход, – нашёлся Марченко – Девушки эрзя будут работать на бульдозерах, а валить лес и всё остальное, станут крестьяне. Их у нас 10 человек, да ещё 10 парней и столько же девушек. Всего должно хватить. Мы насчитали необходимое количество дежурных и караул аж в 60 человек! То есть ежесуточно в караул и внутренний наряд будут заступать два полных взвода, как минимум.

– Это нормально, – решил Судейкин. – Давайте добавим людей в караулы и т.п., а заодно для валки леса. Пусть в караул заступает ежедневно полная рота. Кстати, этим решением отменяется использование клуба в качестве аудиторий. Значит дети будут продолжать учиться, но кто их будет учить, если Архип сам станет учащимся?

От всех этих вопросов уже у всех голова кругом. Выход нашли – для 6-ти взводов, с утра, будут использованы, в качестве преподавателей, только 6 курсантов, поэтому, из числа свободных, назначать двух курсантов ежедневно. Вроде бы, наконец-то решили все проблемы. Между тем Иманкулов и Забуиров бросили жребий по поводу квартиры. Не повезло Забуирову, ему выпало оставаться в избе. За уточнением мелких проблем дотянули до ужина. С открытием волонтерской столовой отпала необходимость в палаточной столовой для крестьян и с сегодняшнего дня они получили возможность питаться с нами, как и наши наложницы. Палаточная столовая была свёрнута и уложена в наш склад. Плотник Горазд сообщил о готовности комнат к заселению. Это нас обрадовало, но пока решили девушкам не говорить до завтрашнего дня, чтобы разместить мебель и свои вещи.

Четверг. 4 марта. Мы эту ночь спали в казарме. Марченко и Коверда к семи часам ушли в казарму, чтобы после подъёма выгнать волонтеров на улицу и бежать с ними до блокпоста №1 и обратно. Мы, подумав решили присоединиться к ним. Так что в забеге участвовали все. Давненько нам не приходилось бегать, расслабились. Постановили бегать ежедневно с волонтерами. Между прочим, мы так и решили называть учащихся, до их выпуска. После завтрака командиры рот ушли командовать перетаскиванием столов и шкафов. Я и Теплов пошли в клуб, чтобы учить ребятишек. Архип рассказал, что всю азбуку дети выучили и они уже проходили чтение и правописание.

Мы решили, что этого детям достаточно Группу начинающих (первый класс) я взял себе, чтобы учить нашей азбуке, а Теплов взял второй класс из детей эрзя, чтобы преподавать им арифметику по нашей системе арабских букв. Я вспомнил, что вроде бы сегодня, монголы должны разбить, ещё не до конца собранную, армию князя Георгия. Сам он, как записано в истории попытается убежать, но его очень скоро настигнут и убьют. После этого монголы начнут отход в степь через восточные земли Черниговского княжества.

Там их ожидает город Козельск, прославившийся небывалым сопротивлением монголам. Я подумал, а нельзя ли попробовать спасти из города хоть немного детей? Подниму этот вопрос на собрании. Итак, в 9 часов я вошёл в клуб мимо дежурного по лагерю Семёнова и двух караульных дружинников у дверей, которые мне отсалютовали. Как уже говорилось, весь зал был разделён на две части, в которых занимались два класса детей. Первый класс представляли дети, прибывших недавно жителей Борисово-Глебово и эрзянских детей, приведённых Кежаем осенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.